

ПО ПРОГНОЗУ

ЛЕТО

Тони Ветров

12+

Тони Ветров
По прогнозу лето

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Тони Ветров

По прогнозу лето / Тони Ветров — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-97278-0

Меня зовут Ваня. Мне 14 лет, и это моё лето! Каникулы – одно лишь слово греет душу. Чувствуете тепло? Тогда освежите свою память и порадауйте себя яркими впечатлениями, которые я испытал с друзьями в ту чудесную пору, когда жизнь состояла из дворовых игр, купания в речке, ночных прогулок и долгожданной поездки в лагерь. Это лето - пора, наполненная интересными открытиями и незнакомыми прежде тревогами. За три месяца жизнь круто изменилась, признаюсь вам. Новое увлечение, первая любовь, интересные знакомства, расставание навсегда... Это время открыло меня с новой стороны и помогло иначе взглянуть на мир. Но я увлекся – так сразу вам всё сейчас и выложу! Открывайте скорее книгу и окунитесь вместе со мной и моими друзьями в тёплый омут незабываемых событий. У меня по прогнозу лето! А у вас?

ISBN 978-5-532-97278-0

© Тони Ветров, 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Часть 1	5
1. Лето – это маленькая жизнь[1]	5
2. Ребята с нашего двора[2]	10
3. Тепло родного дома[3]	17
4. Наши мысли в формате «ё-моё»[4]	24
5. А мы сидим на крыше – кто выше, а кто ниже[6]	31
6. Ветер в голове[8]	39
7. Ночи такие звездные[9]	49
8. Я в этом фильме главный актер, я сценарист в нем, я режиссер[10]	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Тони Ветров

По прогнозу лето

*А мы в вечной погоне за счастьем
Мечтаем получить всё на свете,
И в радость нам с тобой ненастье:
Ведь мы пока всего лишь дети...*
Серёжка Трубадур

Часть 1

1. Лето – это маленькая жизнь¹

Несомненно, всё чудесное и неповторимое происходит в самую беспечную пору, в период лучшего времени года, когда свобода ограничивается лишь родительским контролем и собственным желанием. Да-да, я говорю именно о лете. Лето, как большая вспышка света, озаряет все вокруг, согревая душу теплом. И когда же прочувствовать всю прелесть этого времени по-настоящему, как не в четырнадцать лет? Тот самый возраст, когда горы по колено, а море по плечо... Ну или как там говорится? Именно в этом возрасте все испытываешь по-настоящему.

Что может быть лучше, чем проснуться утром не от звука раздражающего будильника или настойчивого мамино «Подъем, пора вставать», а от солнечного света, который стремительно пробивается через шторы. На дворе уже полдень. Сладко потянулся. Так приятно. Дома тишина, никого нет, мама на работе. Не нужно даже задумываться о том, какой сегодня день недели. Как давно я об этом мечтал!

Бутерброд с сыром и колбасой, вкусный черный кофе. Очень питательно для подростка. Именно так начинается день школьника после окончания тяжелого учебного года, который, к счастью, остался позади. «Впереди целых три месяца свободы. УРА!» – лишь эта мысль бесконечно крутилась в голове. Пока я еще не осознавал, что это время пролетит быстрее, чем когда-либо. Тем не менее, это будет позже, а пока все только впереди.

Не успел еще позавтракать (если прием пищи в полдень можно таким назвать), как телефон уже затрезвонил на всю квартиру.

– Привет, Вань! Ну что, когда на улицу? – прозвучал в трубке голос моего одноклассника Миши.

– Привет! А что там сегодня по прогнозу?

– Что по прогнозу? По прогнозу – лето! Ну так что, куда сегодня двинем? Может, покажемся на великах? – тараторил Мишка.

А почему бы и нет? Именно этого и хотелось свободному подростку. Хотя пока трудно было сказать, чего именно желаешь. Хотелось всего и сразу.

Покататься на велосипедах с лучшим другом – неплохое начало каникул. Вот именно, что неплохое. А должно быть отличным, легендарным! Ведь не может начинаться незабываемое лето всего лишь «неплохо».

«Неплохо» продолжалось первые несколько дней, после чего перестало быть чем-то приятным и превратилось в скучную обыденность. Нутро требовало чего-то большего, как будто чувствовало, что это лето должно всё изменить. Но об этом позже.

¹ Олег Митяев – «Лето это маленькая жизнь»

Чаще всего мы катались на велосипедах вдвоем или вчетвером. Дворовая компания у нас была не маленькой, в ней были мои одноклассники Мишка и Костя, сосед Димка, Шурик, живущий в соседнем дворе, и непостоянные члены нашего братства – Данил и Вова. Постоянными участниками дворовых тусовок были я, Миша, Шурик и Димка. Решающим фактором были велосипеды, так как большую часть времени мы гуляли с ними, у Кости и Данила их не было, а у Вовы был старенький «Аист», которого он почему-то стыдился.

Начало июня было очень похоже на то, когда надеваешь одежду, из которой уже вырос: вроде бы вещь хорошая и нравится тебе, но движения сковывает и становится тесно. Да и все больше появляется желание обновить гардеробчик. Так и с времяпрепровождением: раньше от всех этих гулянок на улице получал колоссальное удовольствие: покататься по улицам своего микрорайона, поиграть с пацанами в мяч, посмеяться над толстым Костей или мелким Димой – бесценно. Большого и не нужно было. Этого хватало, с лихвой. Раньше, но не сейчас, сейчас этого стало мало.

* * *

Обычное катание на велосипедах вскоре надоело нам. Мы объехали весь район и несколько раз ездили в яблочные сады. Для яблок – еще рано, но это было не столь важно. Июнь выдался жаркий, и единственное спасение от палящего солнца – тень, которой в садах было с лихвой. Да и маршрут там был более живописный и интересный: никакого асфальта, внезапно появляющиеся на дороге кочки, от которых подпрыгиваешь на своем педальном коне, и узкие тропинки, где приходится крепко держать руль, чтобы не полететь кубарем в заросли.

Несколько заездов более чем хватило, чтобы выучить все тропинки, и интерес резко пропал. Тень садов спасала от жары только утром или ближе к вечеру, потому что яблони были невысокие, солнце легко преодолевало их не слишком густую крону. Нужно было что-то придумать. И у меня в голове родилась отличная идея.

– А давайте смотаемся на речку! – предложил я. Мы ехали около садов, жара стояла дикая. Спрятаться от солнца было негде.

– Куда? – удивился Шурик.

– На речку, на речку, – повторил я, объехав его и поравнявшись с Мишкой.

– Это такой длинный водоем, который откуда-то течет и куда-то впадает, – объяснил Мишка.

– Я знаю, что такое речка! – огрызнулся Шурик.

Димка с Мишей рассмеялись во весь голос.

– Серьезно, почему бы не съездить и не окунуться разочек, хоть как-то освежимся!

– Так-то хорошее предложение. Но ты не думаешь, что вода еще не прогрелась? – сказал Мишка.

– Да ну, брось! – я остановился возле водонапорной колонки, поставил велосипед и направился к крану.

– Я, чур, первый! – крикнул Димка, спрыгивая с велосипеда, чуть не падая.

– Не тут-то было, – сказал Шурик, перегораживая ему дорогу велосипедом. Он бросил его перед Димкой и рванул к крану.

– Ну, Шурик! Я же первый забил, – обиделся Димка.

– Кто успел, тот и съел, – ответил ему Мишка, становясь за Шуриком.

– Вань! – позвал меня Дима.

– Тут они правы. Как говорится: в большой семье клювом не щелкают, – я похлопал Димку по плечу. – Не переживай. Воды на всех хватит.

Димка скрестил руки на груди, но терпеливо стал в очередь. Вода была ледяной. Мы с удовольствием утолили жажду и оттащили велосипеды под дерево.

- Я так и не услышал ответа на мое предложение, – продолжил я тему.
- Ты, правда, хочешь съездить на речку? – спросил Шурик.
- А почему нет?
- Даже не знаю. У нас плавок с собой нет, да и полотенце тоже.
- Какие мы нежные! – рассмеялся Мишка.
- В трусах искупаемся. Что тут такого? Посмотри, какая жара на улице, мы вмиг высохнем! – ответил я.
- Ну, это верно, – согласился Шурик.
- Вот! И в чем тогда проблема?
- Меня мама на речку не пустит, – включился в разговор Дима.
- А тебя никто и не звал, – бросил через плечо Мишка.
- Почему? – удивился Димка.
- Потому что тебя мама не пустит, – ответил его же словами Шурик.
- Димка, ты же плавать не умеешь, – сказал я.
- Да... ну и что? – замялся он.
- Подрастешь, тогда и поедешь на речку.
- Ага, когда плавать научишься, – поддержал Мишка.
- Димка отвернулся и отошел к колонке качать воду, чтобы еще попить. Мы вернулись к разговору.
- Куда поедет-то? – спросил Мишка.
- Мы уже точно едем? – спросил Шурик.
- Ну да. Что стоять, рассусоливать?
- Я думаю, на Кутузовку можно, – ответил я. Такое неофициальное название носил Кутузовский пляж.
- Это туда, через лес? – спросил Шурик.
- Да. Там хорошо.
- Согласен, – поддержал Миша.
- Хорошо, – согласился Шурик.
- Вот и отлично! Давайте Димку проводим до дома и в магазин заедем за водой, – сказал я.
- Он, что, сам не доберется? – возмутился Мишка.
- Нам все равно по пути. Какая разница? – ответил Шурик.
- Мы доехали до дома, попрощались с Димкой, который ушел в расстроенных чувствах домой. Маму свою он опасался, но желание быть с нами на равных порой пересиливало страх. Было видно, как постоянно в нем происходит противостояние этих двух чувств.
- Собрав по мелочи все, что у нас осталось в карманах, мы купили полторашку лимонада и договорились везти ее по очереди. Разумеется, никто родителям не собирался говорить о том, что мы поехали на речку. Потому что, скорее всего, одним из распространенных аргументов для отказа в разрешении будет то, что речка еще не прогрелась. В связи с этим нужно было все делать оперативно. Уже через десять минут мы заехали в лес и поехали по сосновому бору, где было довольно свежо и пахло хвоей. Жара так сильно не чувствовалась, поэтому дорога была максимально приятной. Усложнял путь лишь песок, которого в хвойном лесу было много. Наше удовольствие длилось недолго. Вскоре лес сменился длинной линией электропередач, вдоль которой была дорога к речке. Тут-то желание окунуться выросло вдвойне. День перевалил за полдень, солнце будто соскучилось по нас, пока мы ехали по лесу, и решило восполнить температурный баланс. Ехать быстрее не получалось из-за обилия песка, которое увеличивалось с приближением к речке.
- Когда ж мы уже доедем? – задыхаясь, проговорил Мишка.
- С меня уже семь потов сошло, – сказал Шурик.

– Немного осталось, уже финишная прямая, – ответил я.

– Ох, давайте, товарищи, активнее крутим педали! Хочется поскорее нырнуть в воду, – смахивая с себя капли пота, произнес Шурик и немного вырвался вперед, но надолго его пыла не хватило, вскоре мы с ним поравнялись.

– Вон, смотрите! Речка! – показал я вперед.

– Ну, наконец-то! – процедил сквозь зубы Мишка, с трудом преодолевая песок.

Мы спрыгнули со своих транспортных средств, дальше ехать было невозможно. Везя велосипеды рядом с собой, мы поспешили к пляжу. Людей было немного, в основном на противоположном берегу. Небольшая компания расположилась в тени прибрежных деревьев и слушала, как один из них играл на гитаре. Мы обрадовались, что народу немного. Люди лежали на пляже и загорали на солнце. Я, Миша и Шурик стремительно направились к воде. Подвезли велосипеды почти к речке, положили на песок и принялись раздеваться. Шурик первый зашел в воду и замер. Скинув с себя одежду, в одних трусах, мы поспешили за ним.

– Ну что ты там встал как вкопанный? – крикнул Мишка Шурику.

Через мгновение я понял ступор своего друга. Зайдя в воду, я испугался, что ноги сведет судорогой. Вода была такой холодной, что, казалось, разница температуры воздуха и речки была примерно градусов в 30. Контраст был налицо, точнее на ноги. Мишка зашел в воду последний.

– Ох, ты ж... – чуть не выругался он.

– Да что ты встал как вкопанный? – передразнил Шурик.

Я оглянулся по сторонам, теперь стало понятно, почему мы никого из отдыхающих не наблюдали в воде.

– Чего ж она такая холодная? – прошептал я, замечая, как зубы начинают выбивать дробь.

– Я говорил, что вода, может быть, не прогрелась, – напомнил Миша.

– Она не то, что не прогрелась, она будто из проруби! – прошипел Шурик, переступая с ноги на ногу.

– Ну что, выходим? – спросил Миша.

– Мы зря, что ли, ехали? – спросил я.

– А что? Ты хочешь туда нырнуть? – спросил Шурик. – Я уже достаточно охладил свои ноги.

– Да что вы? Хороши мы будем? Постоим в воде, как дураки, оденемся и уедем. Да и приехали мы не ноги мочить, – сказал я, глядя, как компания под деревьями стала смотреть в нашу сторону и посмеиваться. У меня не было сомнения, что смеются они именно над тремя подростками, которые стояли на берегу в трусах, как истуканы.

– Вань, да ты морж! – сказал Мишка.

– А вы мерзляки! Мы дольше тут стоим, ноги охлаждаем. Уже бы нырнули, освежились и стояли бы, сохли. Никто же не предлагает плескаться, как рыбы в воде. Завтра будете Димке рассказывать, как вы трусились зайти в речку.

– Не знаю даже... – сказал Миша.

– Вы, как хотите, а я пошел! – произнес я и зашагал дальше в речку. Холод обжигал ноги, зайдя по колено, я остановился. Назад уже дороги нет. Раз уж пристыдил друзей, нужно самому держаться достойно. Вода была очень холодной. С каждым шагом ее температура будто понижалась. Я зашел по пояс и решил, что дальше идти нет смысла. Остановился. Тяжело вздохнул. Собрался с духом. Задержал дыхание и прыгнул в воду. Все тело обожгла ледяная жидкость, укутав с головой. Сердце на миг замерло. Я поспешил вынырнуть. После короткой остановки мышца забила с удвоенной силой. Я начал глотать ртом воздух. Вдруг рядом услышал плеск, после которого прозвучал второй. Мой план сработал. Друзья последовали за мной, не желая прослыть трусами.

– Ух ты! Освежает – это слабо сказано! – выкрикнул Мишка, выныривая из воды.

– Ничего себе! Ну и холодрыга! – вынырнул за ним Шурик.

Я поспешил на берег, Шурик с Мишкой сразу за мной. Мы выбежали на пляж и принялись растирать кожу. Вытираться нам было нечем, а контраст температур был ощутимым. Я услышал одобрителный выкрик кого-то из компании под деревом: «Красавцы, пацаны!». Я в ответ поднял большой палец, а у самого при этом начали трястись ноги.

– Ну тебя, Вань! Чтоб я еще раз за тобой пошел! – крикнул Шурик, обнимая себя и прыгая на месте.

– Не зарекайся, – ответил я.

– И правда, свежо стало, согласны? – высказался Мишка. Он весь покрылся мурашками.

Мы с Шуриком посмотрели на него и разразились смехом, Мишка тоже присоединился к нам. Действительно, было свежо. Солнце в скором времени высушило все капли на нас. Осталось подождать, пока высохнет нижнее белье. Около получаса мы еще постояли на пляже, обсыхая и слушая игру парня на гитаре. Он перебирал пальцами по струнам, исполняя песню, которую я слышал когда-то в детстве. Слов я не знал, кроме единственной строчки из припева: «Лето – это маленькая жизнь...». Именно это словосочетание отчего-то запомнилось и всплыло в памяти, как доброе напоминание из раннего детства. Так оно и было. Лето, действительно, маленькая жизнь длиною в три месяца. Пора, наполненная такими яркими моментами, как, например, ныряние с друзьями в ледяную речку. Между тем тишину летнего дня нарушал лишь мелодичный звук шестиструнной, струившийся по берегу реки. Так мы открыли купальный сезон.

2. Ребята с нашего двора²

В перерывах между заездами на велосипедах мы предпочитали погонять мяч во дворе. В этом занятии нам компанию составляло больше людей. К нам присоединялись Данил, Ваня и Костя, иногда и другие ребята из соседних дворов. Я не был большим фанатом футбола. Почему-то не вдохновляла меня беготня по полю и пинание мяча. Но с друзьями игра приобретала совершенно другой вид и приносила эмоции, правда, скорее от компании, чем от самой игры. Кроме того, вариаций игр с мячом было предостаточно, фантазия на футболе не заканчивалась. Я думаю, многим с детства известны такие дворовые игры, как квадрат, выбивала, козёл, паспортик и одно касание. Вот и мы в эти игры играли не один год. Порой появлялись какие-нибудь новые игры, чаще всего переделанные или усовершенствованные вариации старых, чтобы хоть как-то разнообразить времяпровождение. Но в целом классика оставалась классикой, пускай и надоедала со временем.

После нашего веломарафона с элементом закаливания мы решили сделать перерыв и провести несколько дней просто во дворе. У нас была небольшая площадка перед домом, на которой мы обычно играли в некое подобие мини-футбола. Я, как основной зазывала, обычно собирал народ. Почему-то этим делом больше никто не занимался, и все время сваливали эту задачу на меня. Мне было не сложно, в конце концов, это никак не усложняло мою жизнь.

На следующий день после длинного заезда и короткого заплыва мы, как и договаривались, гуляли во дворе. Димка и Костя присоединились к нашему трио. Мы поиграли в «козла» и «одно касание». После довольно продолжительной партии в «козла», мы сели на скамейку передохнуть.

– Ну ты, Костя, и мазила! – смеясь, сказал Димка.

– Сам ты мазила! Я сегодня просто не в форме, – ответил Костя.

– А когда ты в форме? Когда съешь двадцать пирожков? – Димка разразился смехом от своего же остроумия.

– Ха-ха-ха, как смешно, – передразнил Костя.

– А тебе не помешало бы съесть двадцать йогуртов «Растишка». Может, тогда ты перестанешь всем дышать в пупок, – сказал Шурик, желая остепенить Димку. У него это получилось, улыбка с лица Димки тут же пропала.

– Данил с Вовой сегодня не придут? – спросил у меня Миша.

– Сказали, что не могут. Завтра должны прийти, – ответил я. – А что такое?

– Да хочется в футбол поиграть, а народа мало.

– Почему мало? – спросил Димка.

– Потому что, – сказал как отрезал Миша. – Мелкий, ты считаешь, интересно играть два на два?

– Нас вообще-то пятеро. Так что, как минимум, два на три.

– Скорее как максимум. Это неинтересно, силы будут неравны.

– Давайте я с Ваней против вас троих, и тогда все будет по-честному, – предложил Шурик.

– Ага, умник какой! А мне две обузы предлагаешь взять в команду: коротышку и ленивец? Нет, так дело не пойдет, – ответил Миша.

– Сам ты коротышка! – огрызнулся Димка.

– Почему я ленивец? – обиженно спросил Костя.

– Кость, ну ты, правда, медлительный. На правду не обижаются, – сказал я. – Давайте завтра поиграем в футбол, как раз Данил с Вовчиком придут. Три на три уж точно сыграем, а если повезет, то даже четыре на четыре.

² Любэ – «Ребята с нашего двора»

– Договорились! Ты тогда обзвони всех и спроси у пацанов, может, они кого-нибудь с собой захватят, – сказал Шурик так, будто когда-то было иначе и обзванивал кто-то другой.
– Непременно будет сделано, – отчеканил с сарказмом я.

* * *

На следующий день удалось собраться всемером. Данил и Вова все-таки пришли. Мы с Мишкой учились с ними в параллельных классах. Иногда виделись в школе, но не более. А познакомились тогда, когда Миша жил у бабушки. Пацаны жили в том же дворе, в котором и Мишины бабушка с дедушкой. В основном Даня и Вовчик любили гулять в своем дворе, но иногда навевывались к нам, обычно когда мы, точнее я, их позову.

Даня, как самый отъявленный футболист, принес свой мяч. У него в основном всегда были дорогие фирменные вещи, и футбольный мяч не был исключением из правил. Золотистый шар с эмблемой чемпионата мира, который, по его словам, ему отец привез из самого футбольного клуба. Насколько это было правдой, было неясно, но мячом тем не менее восхищались все.

Мы стояли во дворе, готовые начать жеребьевку команд. Командирами почему-то выбрали меня и Даню. Если насчет Данила у меня вопросов не было, то почему меня – было непонятно.

– Так, давай на камень-ножницы-бумага решим, кто первый выбирает, – предложил Даня.

Он выиграл, ему досталось право выбирать первому. Используя эту возможность, он забрал в команду своего друга Вову.

– Я беру Шурика, – сказал я, понимая, что нам в команду попадет Костя.

– Мишка – к нам.

– У-у-у-у, – протянул Шурик, осознав расклад сил.

– Тогда мы забираем и Костю, и Диму, – высказался я.

– Нет, только одного. Играем три на три.

– Ты смеешься? Считаешь, что силы будут равны, если мы выберем одного из них? – возмутился Шурик.

– Дань, сам посмотри, мелкий и копуша, как раз за одного полноценного игрока сойдут. А то как-то вдвоем играть против трех нормальных игроков совсем не по красоте. – отведя Данила в сторону, тихо объяснил я.

– Ну ладно, – согласился Даня. – Пускай так. Но тогда мяч наш, потому что у вас большинство.

– Идет! – согласился я, пожав ему руку.

Мы вернулись к своим командам и разошлись по двум сторонам поля. Расклад был не самый удачный. «Но что поделать, значит, придется брать количеством», – подумал я.

– Костян, на ворота, – распорядился Шурик.

– Почему это я? – возмутился Костя.

– Ты далеко не убежишь, а так большую часть ворот в любом случае закроешь собой, даже если ты будешь просто стоять, – спокойно объяснил Шурик.

– Он прав, – согласился я.

– Ну как всегда, – махнул своей пухлой рукой Костя.

– Димка, ты путайся у них под ногами, сам на рожон не лезь, но пытайся максимально им мешать. Вырвал мяч, тут же дал нам с Шуриком пас, – обратился я к Диме.

– Хорошо, мы их порвем! – воскликнул он.

– Играем с вратарем-водилой или без? – крикнул нам Мишка с другой части поля.

– Вы, как хотите, у нас без, – крикнул я в ответ.

– Понято, принято! Готовы?

– Да! – громко ответил я. – Костя, на ворота, остальные – за мной.

Мы вышли на поле. Разыгрывка была за трехигровой командой, после второго касания мы имели право переходить в наступление. Игра началась.

– Вовчик, открывайся, – кричал Даня.

– Мелкий, не толкайся! – отталкивая Димку в сторону, пытался вырваться вперед Вова.

– Костя, не стой, как столб! – увидев приближение противников к нашим воротам, прокричал я. Костя отбил первую атаку.

– Пенальти! – орал Шурик, увидев, что мяч, отбитый Костей, попал по руке Вовы.

– Прижатая рука не считается!

Мы с Шуриком перешли в наступление. Я отдал пас, но Шурик переоценил свою меткость, и мяч улетел за ворота.

– Кто промазал, тот и бежит, – сказал Мишка в роли вратаря.

– Ой, какие мы нежные! Я сгоняю, мне не сложно, – Шурик во время игры становился довольно острым на высказывания.

Бросив мяч Мишке, он, запыхавшийся, вернулся на поле. Миша, поймав мяч, изо всей силы выбил его, попав прямиком нам в ворота.

– Гол! – крикнул он.

– Что ты творишь? Я еще не успел на поле выйти, – крикнул ему Шурик.

– Ты был на поле, не выдумывай.

– Никакого гола. Вообще от ворот до ворот не считается, – оборвал их я.

– Ой, ну теперь у нас новые правила появились, – возмутился Вова.

– Никакие не новые, всегда так было, – огрызнулся Шурика, проходя мимо него, направляясь к Косте. – А ты что стоишь, как вкопанный?! Не мог свои булки подвинуть или задумался о пончиках?

– Да я это... вообще не ожидал, – начал оправдываться Костя.

– Успокойся, просто смотри в оба, – остановил я сыр-бор. – Сосредоточились, продолжаем игру.

Игра была напряженной и быстрой. Дане удалось забить нам три гола, наша команда могла похвастаться лишь одним, который забил Шурик. Вскоре мы совсем с Шуриком выдохлись и объявили тайм-аут. Все игроки перевели дух, попили воды и ринулись дальше играть. Мне удалось забить Мишке в ворота. Шурик старался находиться в защите, чтобы не допустить очередную атаку на испуганного Костю. Во время одного из аутов Шура подошел к нашему вратарю и что-то начал шептать ему на ухо, я их разговора не слышал. Костя уверенно кивнул и принял стойку, похожую на борца сумо. Я, конечно, не сомневался в Шурике, но во время игры его частенько заносило не туда, и что он мог сказать Косте, оставалось для меня секретом. Данил с Вовой разыграли очередное нападение. Я пытался угнаться за Даней, стремительно приближающимся к воротам, Шурик закрывал Вову, а Дима маячил перед воротами. Вдруг неожиданно для всех Костя ринулся с криком вперед, несясь прямо на Даню. Данил от удивления оцепенел и лишь в последний момент успел отбежать в сторону, чтобы не столкнуться с рассвирепевшим вратарем. Тем не менее его ступор продолжался недолго, он заметил пустующие ворота и направился к ним.

– Костян! ВОРОТА! – закричал Шурик.

Костя как ужаленный рванул обратно на свою позицию. Но Данил уже прицелился и занес ногу. Остальное происходящее я видел словно в замедленной съемке. Данил ударил по мячу, и он полетел прямиком в ворота. Костя, несущийся на всех парах, попытался перерезать путь летящему шару. В последний момент он размахнулся ногой, пытаясь отбить мяч, но удар пришелся по железной раме ворот. Мне даже показалось, что я услышал хруст, хотя находился далеко и по факту ничего подобного не мог услышать. Мяч залетел в ворота, но все внимание

было устремлено на свалившегося на землю Костю, который протяжно заорал от боли. Все помчались к нему. Я склонился над другом.

- Что с ним такое? – спросил испуганно Мишка, прибежавший с другого конца поля.
- Он ударил по раме ногой со всей дури, – ответил Данил.
- Ух, – скривился Мишка, слушая стоны Кости.
- Ты как? – спросил я пострадавшего.
- Больно... – сквозь зубы процедил Костя.
- Давайте его до скамейки доведем, – сказал я пацанам.
- Ты уверен, что мы сможем его поднять? – спросил Шурик.
- Сможем! – рявкнул я на него.

Мы все вместе подняли охающего Костю и повели его к скамейке, усадили и помогли снять кроссовки. Димка захватил с собой мяч, о котором мы и вовсе все забыли. Положил его на землю и сел на него.

- Встань с мяча, а то яйцо будет, – прикрикнул на него Даня.

Димка подскочил как ужаленный, его внимание полностью было приковано к ноге Кости.

- Я... я мяч хоть отбил? – тяжело дыша, спросил Костя.

Мы переглянулись с ребятами и поняли друг друга без слов.

- Конечно, отбил! – ответил я.

- Это было что-то, – поддержал меня Вова.

- Я старался, правда. Я сделал, как ты и говорил, Шур, – сказал Костя.

Я перевел взгляд на Шурика, он пожал плечами и сказал:

– Я же не сказал тебе ноги ломать о раму, а просто припугнуть их своей массой. Хотя согласен, смотрелось это пугающе. – выдохнул Шурик, глядя на искривленный палец Кости.

- Дима-а-а-а! Домой! – закричала, высунувшись из окна, мама Димы – тетя Лариса.

Димка побежал домой. Игра на сегодня была закончена. Костю мы оставшейся компанией проводили до дома и помогли подняться до квартиры. Он был единственным в семье, и мама с бабушкой постоянно холили и лелеяли его со всех сторон. И травма Кости не могла пройти бесследно.

На следующий день мы узнали, что наш непревзойденный вратарь сломал большой палец на правой ноге. Ему наложили гипс, и теперь неизвестно, сколько он будет проходить домашнюю реабилитацию. А зная его маму, вряд ли стоило ожидать его появление на улице до конца лета.

* * *

Наш двор находился на возвышенности, отчего казалось, что наши дома выше остальных. В низине холма находилось небольшое озеро. Своеобразный дикий уголок среди городского пейзажа. Раньше, по рассказам, озеро заполняло всю низину, представляя собой полноценный водоем. Теперь оно высохло, стало раза в два меньше и местами заросло, отчего стало больше походить на болото. Но для нас оно было святыней и гордостью. Всякий раз, когда про него говорили «болото», мы поправляли «не болото, а озеро». Мы искренне любили этот небольшой заповедник, не тронутый человеком. Озеро находилось как раз между нашим двором и тем, где жили Вова, Данил и бабушка Миши. Зимой озеро превращалось в каток, на котором пересекали на коньках все желающие. Весна свидетельствовала о «дрейфах» льдин, на которые самые безбашенные отваживались залезать. А летом открывался сезон рыбалки и строительства плотов. Да-да, именно плотов.

Не знаю, с каких пор повелась эта мода, но мы ее точно уже переняли у старших ребят со двора. О технологии строительства плавательного средства мы также узнали от них. Техника была проста. Необходим был поддон, который можно было позаимствовать на продовольствен-

ных складах. Разумеется, «одалживать» нужно было тихо и незаметно, так как о возврате речь не шла. Далее для строительства требовалось найти как можно больше пластиковых бутылок, преимущественно объемом 1,5 и 2 литра. Бутылок должно было быть столько, чтобы заполнить большую часть поверхности поддона. Они располагались близко друг к другу по периметру всей деревянной конструкции, в промежутках между шашками, соединяющими лицевую поверхность и нижние поперечные доски. Бутылки вставлялись так, чтобы без приличной силы их оттуда нельзя было вытащить. Далее вся эта конструкция проверялась на прочность путем поочередных прыжков на поддоне. Когда все стадии проверки были завершены, плот спускали на воду и пришвартовывали к берегу с помощью палок или веревки. На плоту в среднем могло находиться два человека. При хорошем раскладе, если хорошо его проверить и укрепить, – максимум трое, но при условии, если один из них такой, как Димка. И не потому, что плот не выдерживал большой вес, нет, просто места на нем было мало и велика опасность перевеса одной из сторон, что незамедлительно приводило к затоплению плота или экстренному выбросу с него пассажиров. Несмотря на это, мы несколько раз экспериментировали, залезая на плот даже вчетвером, и отчаливали от берега. Правда, квартет на плоту держался недолго, если не все, то половина команды в скором времени покидала плавательное средство. Плот управлялся с помощью длинной палки, которая должна была доставать до дна, для того чтобы корректировать курс и в нужный момент останавливать дрейф по поверхности озера.

Вот так мы веселились, как могли. Однако это было не новшеством нашего летнего досуга, поэтому прежнего драйва при строительстве, спуске на воду и посадке на плот уже не было. Но свое мастерство строительства мы усовершенствовали до высокого уровня, даже для управления плотом мы изготавливали прочные палки, которые обрезали и обдирали для удобства. До строительства верфи дело не зашло, но в масштабах нашего скромного водоема мы были настоящей флотилией.

Мой друг Миша Дружинин был отъявленным рыболовом. С детства дедушка и папа привили ему любовь к рыбалке. У них была семья, достойная фамилии, – дружная в отношениях друг с другом и дружелюбная по отношению к другим. Я с первого класса был желанным гостем у них дома. Мне самому приятно было бывать и у Мишки, и у его бабушки. Так своей увлеченностью рыбалкой они заразили и меня немного. Мне тоже нравилось это занятие, хотя фанатиком, как Миша, я и не был, но частенько составлял ему компанию. Даже на нашем озере нам удавалось что-нибудь да поймать. Но не в этом году. Отчего-то все попытки Миши принести домой улов хотя бы на таранку заканчивались двумя-тремя плотвичками длиной не больше ладони. После четвертой попытки, я перестал поддерживать Мишку в его увлечении. Он еще долго не терял надежду. Но в итоге ему пришлось признать, что это пустая трата времени и лучше он душу отведет с родными на нормальной рыбалке. Так наши первобытные инстинкты по добыванию пищи сошли на нет, уступив место более интересным занятиям.

* * *

С середины июня началась череда дождей. При этом на улице продолжала стоять жара. Просто строго раз в день проходил ливень, словно освежая все вокруг. Настолько резко набегали тучи, что не раз заставляли нас врасплох, когда мы гуляли на улице.

– Дождь скоро начнется, – сказал Шурик, мы тем временем подыскивали хорошую палку для нашего плота, потому что предыдущая каким-то образом потонула, благодаря Шурику.

– С чего ты взял? Я не вижу ни одной тучи, – ответил Мишка, залезая в кусты.

– Ветер усиливается, значит, скоро пригонит тучи, и птицы ниже стали лететь.

– Да ты у нас, я смотрю, спец по народным приметам! – усмехнулся Миша.

– Ты бы лучше палку искал, а не на птиц любовался. Мы здесь по твоей вине, – сказал я.

– Палку утопил. Тоже мне трагедия, – отмахнулся Шурик.

– Ишь какой! – для меня это было личной обидой, так как с той палкой я провозился целых два дня, чтобы сделать ее удобной. – Миш, а ну вылезай обратно, предоставь дорогу нашему умнику.

– Да я уже далеко забрался.

– Вылезай, вылезай. Пускай сам ищет подходящую палку. Сделает из нее хороший шест, а потом с ним что-нибудь случится. Посмотрим, будет это трагедией или нет.

– Ну ладно, – сказал Мишка, выбираясь обратно.

– Да пожалуйста. Мне не сложно, найду еще лучше и сделаю хорошее бревно, – с обидой в голосе проговорил Шурик и полез в заросли.

– Бревно не нужно, нужен шест, – бросил я ему вслед.

Он что-то проворчал невнятное, но я не разобрал. Мы с Мишкой стояли и болтали по поводу Кости и его сломанного пальца. Ветер действительно усиливался. Вдруг внезапно из-за дома быстро набежала туча, и с неба стеной на нас покати́л дождь. Это произошло так резко, что мы даже не успели опомниться. Сначала мы хотели побежать с Мишкой к подъезду, но потом вспомнили о Шурике, который до сих пор был в кустах.

– Скорее вылезай оттуда! – крикнул Мишка.

– Я вам говорил, что дождь будет, а вы не верили, – крикнул в ответ Шурик, пробираясь через ветки.

– Да-да, поумничаешь попозже, а то мы сейчас все вымокнем, быстрее, – прервал я зло-радство Шурика.

Наконец наш друг выбрался из кустов, и мы побежали к дому, чтобы спрятаться под козырьком подъезда. Пока мы бежали, Мишка успел поскользнуться на траве, отчего коленки у него стали зеленые. Подбегая к дому, мы уже были насквозь мокрые. Подбежав к подъезду, мы стали под козырек, посмотрели друг на друга и рассмеялись. Одежду можно было на полном серьезе выжимать. Словно в озеро нырнули, хотя такого сегодня в планах не было.

– А, уже плевать! – сказал я, взъерошил волосы и вышел под дождь, разведя руки в стороны и подняв голову вверх, подставляя лицо под проливной дождь.

– Вань, ты совсем с катушек съехал? – воскликнул Мишка.

– Да, правда, какой смысл? Мы все равно уже мокрые, – сказал Шурик, выходя за мной под дождь.

– Так, это уже какое-то массовое помешательство. Это случайно не заразно? – съязвил Миша.

– А ты сам попробуй! – сказал я, набрав в ладони воды и брызнув ею на Мишу.

– Ах ты... Да я тебя, – начал злиться Мишка.

– А что ты? – спросил Шурик, последовав моему примеру и тоже окатив Мишу водой. – Сначала достань нас, а потом угрозами забрасывай.

Мы с Шуриком еще несколько раз подразнили Мишку, обрызгав его водой, после чего он тоже сдался и вышел под дождь, чтобы отомстить. Но месть быстро переросла во всеобщее веселье, мы бегали по лужам, обрызгивая друг друга. Дождь был теплым, поэтому речи о том, что замерзнем, даже не возникало. Вскоре дождь закончился так же резко, как и начался. У всех волосы стояли торчком после небесного душа. Мы сели на скамейку у подъезда: для насквозь промокших мокрая скамейка была не помеха.

Вскоре из подъезда вышла моя соседка, бабушка, которой на вид было лет 70, а то и 80. В отличие от всех остальных ворчливых старух, которые любили сидеть на лавках и сплетничать, она всегда была к нам очень приветлива и доброжелательна. Мы с ней никогда не ругались, и она частенько угощала нас ягодами со своего небольшого огорода за домом.

– Здравствуйте, мальчишки! – улыбнувшись, поздоровалась с нами пожилая соседка.

– Здравствуйте! – ответили мы хором.

– Ох, что ж вы так-то промокли. Сухого пятнышка на вас не видно. Смотрите – не простыньте.

– Да мы не успели забежать под крышу, – ответил я.

– Понимаю, понимаю. Я сама еле-еле успела до подъезда добежать, чтобы не быть, как вы. Все бросила в палисаднике. Вот пока переделалась в сухое, а дождь уже кончился. Пойду сейчас забирать свои пожитки. Вы еще тут будете?

– Ну пока да...

– Подождите, подождите, – перебила она меня, – Не уходите ребятки. Я быстро, – и ушла за дом.

Мы переглянулись, пожали плечами и продолжили свой разговор. Через пять минут бабуля вернулась, неся в руках целое ведро клубники.

– Держите, мальчики. Кушайте, на здоровье! – сказала она, протягивая нам ведерко.

– Ой, да что вы! Не надо. Куда ж нам столько? – стали отнекиваться мы.

– Берите, берите. Я живу одна, мне угощать некого. Дайте хоть вас порадую своим урожаем. Мне одной все равно это не съесть. Я вы с удовольствием поедите.

– Спасибо вам огромное! – сказал я, а друзья подхватили.

– Кушайте на здоровье! Может, вспомните как-нибудь меня добрым словом, – сказала бабуля, улыбнулась нам и пошла обратно на свой маленький огород.

– Вот есть же добрые старушки! – сказал Мишка, беря ягоды. – А у меня в подъезде одни старые гримзы, мимо них даже страшно проходить, боишься что прицепится или обвинит в каком-нибудь преступлении. Вредные до ужаса.

– Такая хорошая женщина и живет совсем одна. Жалко ее... – сказал Шурик.

– Зато она делает добрые дела и ко всем относится с добром, никому никогда не грубит и всем улыбается. Это ценно в наше время. Сейчас мало таких людей, – сказал я.

– А давайте ей предложим помощь, может, там, на огороде, нужно чем-то помочь, – предложил Шурик.

Мы поддержали его и направились за дом, где у соседки был палисадник. Она поднимала опавшие после дождя кусты огурцов. Я подошел к ней, она подняла на нас голову и удивленно взглянула. Мы предложили свою помощь, а она на это лишь улыбнулась, взяла меня за руку и сказала, что со всем справляется сама и ей труд за удовольствие.

– Спасибо вам, ребята, за внимание. Но мне, правда, ничего не нужно. Гуляйте, веселитесь. Молодость, она одна, и проходит очень быстро. Цените это время, – она улыбнулась нам своей милой доброй улыбкой, но в то же время на глазах ее проступили слезы.

Мы еще раз поблагодарили ее за ягоды и сказали, что всегда готовы помочь, если все-таки помощь вдруг понадобится. Она проводила нас взглядом и вновь наклонилась к своим зеленым детишкам, выращенным с большой любовью.

3. Тепло родного дома³

В жизни каждого человека есть укромный уголок, который подобен крепости с высокими стенами и теплым очагом внутри. Там всегда чувствуешь себя в безопасности, там ждут вкусный обед, мягкая постель и доброе слово. Пусть ненастье и бури бушуют вокруг, это место стойко выдерживает все удары извне, укрывая в своей обители. Имя этому месту – дом.

Родной дом, будь то особняк, ветхая лачужка или квартира в «хрущевке», обладает необъяснимой энергией. В течение жизни можно поменять десятки мест жительства, уехать в другие города, другие страны, но где-то внутри тебя все равно будут странная тяга и непреодолимое желание хотя бы на минутку заглянуть в дом, в котором вырос. В его стенах чувствуешь себя защищенным и нужным. Он хранит тепло и уют, накопленные годами и поколениями. Не зря говорят, что «дома стены лечат». Так оно и есть. Какие бы неприятности тебе ни встречались на жизненном пути, все они в ужасе трепещут перед стенами родной обители, не смея проникнуть внутрь. Всем нужна норка-убежище, в которой можно спрятаться от вихрей и ураганов жизни.

Тепло родного дома не возникает на пустом месте – его создают люди. Каждый член семьи подбрасывает дровишки в домашний очаг, разводя его и поддерживая. Как и за любым пламенем, за ним нужно непременно усердно следить, чтобы он не погас и не вырвался наружу, неся вместо тепла разрушение. С давних времен принято считать, что женщины являются хранительницами домашнего очага. Это неспроста. Все-таки тысячелетний опыт не проходит бесследно. Очаг – это не только пламя с поленьями. Если бы было так, то мы жили бы до сих пор в пещерах, и это в лучшем случае. Благодаря непрерывному труду, мудрости и заботам женщин, их чутью и любви к прекрасному, появилось все то, что теперь мы называем родным домом.

Домашний очаг в моем доме хранила великая женщина, которой выпало на долю много испытаний. Пережить смерть двух близких людей и не потерять вкус к жизни дано не каждому. Мой дедушка ушел из жизни задолго до моего рождения. К несчастью, мне не довелось познакомиться с этим достойным человеком. С самого детства я слышал много разных историй о дедушке Вове, и каждая из них подкрепляла мое уважительное отношение к нему. Я считаю, что только долговечная память родных людей способна подтвердить результат жизни человека. Не важно, насколько длинным или коротким был жизненный путь: если люди вспоминают человека добрым словом, то он прожил жизнь не зря. Он оставил свой след в памяти людей. Это, на мой взгляд, ценнее всего.

Второй человек, который покинул маму, был мой отец. Я был совсем маленьким, когда это случилось. Но до сих пор в памяти всплывают отрывки воспоминаний из детства, когда он был рядом. Его улыбка и густая шевелюра до сих пор всплывают неясными образами в моих снах. Моменты из раннего детства имеют необычное свойство эпизодичности, обрывистости, может, поэтому они визуальны гораздо ярче – словно пропитаны какой-то волшебной энергией. Такие странички памяти наиболее ценны, потому что хранят в себе больше эмоций, чем информации. И их очень страшно растерять со временем...

В семейном альбоме было много фотографий отца, но мне, как ребенку, который потерял его довольно рано, они представлялись неживыми масками, потому что на них папа был обычно в форме, отчего выглядел строго и официально. Я его помнил совсем другим: веселым, заботливым и жизнерадостным. Было несколько старых черно-белых фотокарточек, на которых папа улыбался и выглядел счастливым. Их я ценил больше всего, на них он был живой.

Моя трагедия не шла ни в какое сравнение с той, что испытала мама. Она любила отца всем сердцем, и для нее эта потеря не прошла бесследно. Но так как в то время у нее был

³ Сплин – «Тепло родного дома»

маленький сын (то есть я), она не позволила своему горю взять над нею верх. Мама стойко перенесла потерю любимого человека, умножив любовь ко мне в несколько раз. Я остался для нее тем самым живым напоминанием об истинной, искренней, настоящей любви. Материнская любовь сильна и жертвенна, и именно благодаря ей мама выкарабкалась из пучины горя, которое, словно цунами, ударило о берег нашего дома. Я очень любил и уважал маму. Моя благодарность ей за все не знала границ, хотя порой это не было очень заметно, особенно в подростковом возрасте, когда желание быть взрослым и самостоятельным доминировало над всем остальным. Но, к счастью, мне повезло: моя мама была понимающим человеком, делала большую скидку на мой возраст и не окутывала меня чрезмерной опекой, от которой страдали многие мои друзья.

Но моя семья состояла вовсе не из двух человек, как можно было подумать. Нет, это не так. Была еще одна женщина, которая играла огромную роль в моем воспитании. Бабушка. Мать моего отца. Папа был ее единственным сыном, и его потеря стала для бедной женщины жестоким ударом. Всю любовь и заботу она обратила на нас с мамой. Бабушка Таня усердно взялась за мое воспитание, порой пытаясь отодвинуть маму на второй план. Ей это, разумеется, не удавалось, да и делала она это не нарочно. Она любила мою маму и относилась к ней, как к дочке. Мне иногда казалось, что для равновесия ситуации (ведь мама выросла без отца), судьба послала ей в подарок в зрелые годы двух матерей. Бабушка Таня очень помогала нашей маленькой семье, она хотя и не жила с нами, но частенько посещала наш дом. Ее стремление помочь было не назойливым и навязчивым, а искренним.

Бабушку я запомнил на всю жизнь доброй и заботливой, но в то же время довольно строгой по отношению ко мне. Стоило нам разойтись с ней во мнениях, она тут же строго обращалась ко мне: «Иван Сергеевич, пора взяться за ум! Ты тезка одного из великих писателей. Будь уж добр: веди себя достойно». Бабушка Таня до пенсии работала учителем литературы, так что постоянные отсылки на русскую классику преследовали меня все детство. Когда ситуация выходила из-под контроля, она шла к маме, хотя это было и редко, но ее «Леночка, поведение Ивана Сергеевича ни в какие ворота...» – я запомню на всю жизнь. На самом деле мне казалось, что, когда бабушка называла меня по имени-отчеству, она хотела напомнить о моем отце, а не о Тургенева.

У меня было две бабушки, но мамина мама жила в другом городе, поэтому виделись мы не так уж часто. Тем не менее, ее влияние на нас с мамой от этого не страдало. Бабушка Шура была сильной и волевой женщиной, которая умудрялась держать под контролем всех своих родных и иметь в семье непреложный авторитет. Ее приезд всегда становился каким-то невообразимым событием, к которому мы не один день усердно готовились. Судьба дочки во многом была похожа на судьбу своей матери: обе потеряли любимых людей, но не потеряли при этом себя. Жизнь не единожды ставила им подножки, но и мама, и бабушка с достоинством их перепрыгивали, не давая себя сломить.

Судя по количеству женщин в моей семье, можно подумать, что я воспитывался лишь под женским влиянием. Но это не так. У меня был замечательный дядя Андрей, который по совместительству был и моим крестным. Брат мамы, у которого не было своих детей, всю заботу и отцовское внимание направлял на меня. У нас с ним сложились очень хорошие отношения: это был как раз тот человек, который в случае чего мог отвесить мне подзатыльник, но в другой раз заступиться за меня перед мамой или бабушкой. У дяди Андрея была дача, которая негласно стала своеобразным семейным гнездом. Мы там бывали не очень часто. Но каждая поездка к дяде на дачу была для меня событием, праздником.

Пришло время поведать о главном члене нашей семьи. Это звание по праву носил наш верный пес по кличке Джим. Я вырос с этой собакой. Когда его завели, мне только исполнилось три года. Это был сообразительный пес, который порой поражал нас всех своим умом. Казалось, что ему не хватает только умения разговаривать. Энергия в нем была ключом! Когда

он был молодым, сидеть на месте совершенно не умел, все время находил себе какое-нибудь занятие. Правда, не всегда его занятость заканчивалась хорошо, но мы все его очень любили и все ему прощали. Много чего пришлось нам пережить вместе. Я довольно рано начал гулять с Джимом один, и не всегда наши прогулки заканчивались хорошо. Как-то раз этот неугомонный пес убежал, а я со слезами на глазах ходил по всему району его искал. Мне тогда было лет десять, но, ничего, нашел. В другой раз мне пришлось тащить окровавленного пса на себе домой после встречи с питбулем. Как же я тогда испугался, но, к счастью, все обошлось. Этот пес постоянно искал приключения на свою собачью задницу. Но со временем подобных ситуаций становилось все меньше. Джим был уже престарелого возраста для собаки его породы, и в последнее время его запал утих. Он стал гораздо спокойнее: меньше бегал и проказничал, а больше лежал.

Вот вы и познакомились с моей семьей! Говорят, что в каждом доме есть свои скелеты в шкафу. Такие были и в нашем. Куда без этого? Но, несмотря ни на что, я любил свою семью и гордился каждым человеком, которого называл родным.

* * *

Что такое лето, если не пора шашлыков и пикников? Однозначно, это, как и поездки за город, является обязательным атрибутом самого теплого времени года.

В один из июньских выходных мы всей семьей отправились на шашлыки к дяде Андрею на дачу. С утра дядя Андрей со своей женой – тетей Светой – заехал за нами. Мы с мамой оделись по-дачному, надели поводок на Джима и вышли во двор. Дядина «девятка» уже ждала нас. Джим рванул к машине.

– Всем привет. Ну что, семейство Титовых готово? – поздоровался дядя, выйдя из машины и открывая багажник для того, чтобы мы сложили вещи.

– Привет, привет! Всегда готово! – поздоровались мы в ответ, кладя назад вещи.

– Здорово, старина! – крестный присел, потрепал Джима по шерсти, взял у меня поводок и повел его к передней двери, с другой стороны от водителя.

Джим всегда ездил у дяди на переднем пассажирском сидении, внимательно глядя на дорогу, выступая в роли штурмана. Дядя Андрей привязал его поводком к сидению, а мы в это время заняли места сзади, где уже сидела тетя Света. Через пару минут мы отправились в путь. Джим гордо сидел в кресле, высунув голову в окно, его язык развевался по воздуху, подобно флагеру, указывая направление ветра.

День был погожий, теплый воздух дул нам в лицо из открытых окон. Мы выехали из города, и машину наполнил аромат соснового леса, через который пролежала дорога на дачу. Сосны длинным забором возвышались над нами на протяжении большей части пути. Когда мы выехали из лесополосы, пейзаж за окнами резко изменился: на смену стройным хвойникам выползли широкие поля, простирающиеся до линии горизонта. Где-то зеленела молодая пшеница, где-то поля желтеющих подсолнухов. Сколько бы раз мы ни проезжали по этой дороге, я не переставал поражаться красотам нашей природы. Такой разной и удивительной! В любое время года замечаешь красоту природы, но яркость и обилие зеленых красок, контрастирующих с голубым небом, восхищает и поражает лишь летом.

Меня переполняла радость: дача уже близко! О приближении к месту назначения сигнализировал старинный заброшенный храм, возвышающийся на холме. Он словно сошел со страниц сказок, необъяснимо маня к себе. Его потрескавшиеся стены были покрыты мхом, с правого края до половины высоты церковь закрывали кусты сирени, а из одного из высоких окон выглядывали ветки дерева. Остальные окна даже в такой солнечный день были темные, как пустые глазницы. Глядя на это монументальное сооружение, прошедшее проверку време-

нем, я испытывал непередаваемое восхищение на грани с необъяснимым страхом. Я всегда с трепетом затихал и молча любовался, проезжая мимо этого храма.

Далее наш путь пролегал мимо деревенских домишек. Еще чуть-чуть – и мы у калитки дядиной дачи. Джим вовсю рвался наружу, почуяв знакомые запахи. Он очень любил поездки на дачу: здесь, как мне казалось, он чувствовал себя свободным.

– Ох-ох, прям-таки не терпится, да, дружище? – приговаривал дядя Андрей, отвязывая поводок Джима от сидения.

Как только пес почувствовал отсутствие оков, он выпрыгнул из машины и побежал по дорожке. Давно у него не было такой прыти. За этот год мы его в первый раз вывезли на природу. Его хвост ходил ходуном из стороны в сторону, казалось, будто сейчас отвалится. Он раньше всех оказался возле калитки и ждал, при этом царапая лапой дверь, когда же его наконец пустят.

– Джим, не царапай дверь, сейчас тебе откроют. Что за нетерпеливый пес?! – сказала мама.

Мы выгрузили все из машины и направились к калитке, которую тетя Света уже открыла. Я почувствовал обилие запахов, которые ударили в нос. «Какой же свежий воздух!» – крутилось у меня в голове. Я заметил, что не я один наслаждался запахами вокруг, Джим вообще не поднимал свою голову, обнюхивая каждый клочок земли.

– Эй, парень, ты рад, что мы тебя вывезли на природу? – крикнул я, пытаюсь схватить неугомонного пса.

Но мои попытки были тщетны, он, как охотничий пес, шел по следу и не останавливался. Вдруг ни с того ни с сего рванул вперед и помчался по огороду за какой-то птицей, которая тут же взвилась в воздух и улетела прочь.

– Джим! По дорожкам! – кричал дядя.

Но пес не слышал его, ему было необходимо обозначить свою территорию, прогнав с нее незваных гостей. Вскоре он, уставший, но довольный, бежал обратно, порядком запыхавшись с непривычки, да и солнце уже припекало не на шутку.

Дядя Андрей, как хозяин, обошел владения, глядя на плоды своих трудов. Он неспроста привез нас утром – нам предстоял обширный объем работы. Пока дядя поехал за бабушкой Таней и Тamarой Андреевной – мамой тети Светы, мы должны были все приготовить и поработать на огороде. Мне было поручено полить грядки с огурцами. Удивительным свойством обладала дача дяди Андрея: здесь любая работа не была в тягость. Как-то все делалось легко и непринужденно, а в итоге ты всегда знал, что после работы тебя ждут вкусные дачные яства наряду с неповторимым шашлыком дяди Андрея. Знаете, многие считают, что шашлык априори должен быть вкусным. Несомненно, если его готовит человек неглупый, который хоть что-то понимает в маринаде и жарке на костре, то так оно и будет. Но сделать так, чтобы шашлык получился настоящим кулинарным шедевром, могут лишь единицы. Именно такой суперспособностью обладал мой дядя. Его шашлык не мог повторить никто! Он очень трепетно подходил к его приготовлению, начиная с процесса выбора мяса, продуктов для маринада и заканчивая процессом жарки на костре, где количество углей и жара тоже играло свою роль. Этот процесс на всех этапах был пропитан профессионализмом и воодушевлением. Наверное, именно эти две вещи вместе способны привести к подобному результату.

Пока мама с тетей Светой занимались приготовлением еды и обустройством беседки, мы с Джимом были на огороде и занимались поливом. Пёс отыскал тенек у кустов и улегся там, наслаждаясь царящей вокруг атмосферой. Порой он резко поворачивался и щелкал пастью в надежде поймать пролетающую рядом муху. Солнце тем временем достигло зенита. Жара стояла несусветная. Закончив работу, я поспешил по примеру моего друга занять место в тени.

Дядя привез бабушек. Они поздоровались со мной и тут же отправились к маме и тете Свете на подмогу. Дядя Андрей подозвал меня к себе.

– Ну что, сына, все сделал? – спросил он. Дядя частенько называл меня сыной, будучи моим крестным.

– Да, все сделано! – ответил я.

– Огурцы хорошо пролил?

– Естественно.

– Запарился, наверное?

– Есть немного.

– Ох, а ты уж точно запарился не на шутку, старина, – сказал дядя, заметив плетущегося по солнцу Джима. – Что там, долго еще ждать обеда?

– Они, кажется, суп начали варить.

– Ой, сейчас наготовят на целую ораву, а кто это будет есть? Так еще же место для шашлыка нужно оставить, – возмутился дядя Андрей.

– Там еще и бабушки на помощь пришли, сейчас еды на месяц вперед приготовят.

– Ха-ха-ха, – рассмеялся дядя. – Это ты точно подметил. Ладно, хватай Джима и полезайте в машину.

– А куда мы? – удивился я.

– Нам тут пока нечего делать, сбежим по-тихому, искупаемся, – сказал он и подмигнул мне.

– Серьезно? – воскликнул я.

– Если ты так будешь кричать, то по-тихому уж точно не получится. Запрыгивай в машину. Джим, – свистнул дядя. – Бегом сюда, скорее, – сказал он, открывая переднюю дверцу машины.

Джим лучше меня понял фразу «по-тихому» и уже сидел на переднем сиденье. Я запрыгнул назад, и мы втроем поехали на речку.

Дорога на речку шла через большой луг, что начинался от дачных дорожек и заканчивался лесополосой, перед которой протекала река. Мы открыли окна, и дядя Андрей включил музыку. Он был фанатом русского рока, поэтому чаще всего в его машине можно было услышать хиты таких групп, как «Ария», «Кино», «Наутилус Помпилиус», «Би-2». Сейчас из магнитолы играла песня «Полковнику никто не пишет» в исполнении «Би-2». По пути мы встретили несколько деревенских мальчишек, которые попробовали обогнать нашу девятку на велосипедах. Дядя Андрей немного им подыграл, притормозив, а потом надавил на газ, и мы оставили компанию позади.

Буквально через десять минут мы подъехали к берегу реки. Народу на пляже почти не было. Мы выпрыгнули из машины, бросили футболки и шорты на сиденья. Джим, довольный, уже подбежал к речке и начал ходить по воде, охлаждая свои лапы. Когда мы подошли к воде, Джим уже сделал небольшой кружок заплыва и возвращался на берег.

– Ну что, Джим, открыл уже купальный сезон? – спросил дядя.

Джим подбежал к нам и начал отряхиваться, окатив нас брызгами.

– Джим! – крикнул я, отбегая в сторону от пса.

– Первооткрыватель, так сказать, – смеясь, сказал дядя.

– Ну, он не первый, кто открыл купальный сезон в этом году, – осторожно сказал я.

– Вон оно как! Сына, да ты времени зря не теряешь. И что тогда стоишь, от брызг убегаешь, должен быть уже в воде! – воскликнул он, толкая меня в воду.

Мои воспоминания об открытии купального сезона были еще свежи, и я с опаской ожидал, как вода обожжет холодом ноги. Но, честно признаться, за это время из-за стоявшей жары вода все-таки прогрелась, и того острого ощущения я не испытал. Дядя зашел за мной.

– Так, на счет «три» ныряем. Раз, два, ТРИ! – крикнул он, я нырнул в воду. Все-таки разница температур была ощутимой, я вынырнул и огляделся по сторонам, дядя стоял на берегу и хохотал.

– Эй! Так нечестно! – крикнул я, поплыл обратно и окатил его хорошей партией воды. После моих брызг он нырнул и проплыл под водой почти до середины реки.

Джим присоединился к нам. Вода все-таки была не такой уж и теплой, особенно там, где глубоко. Мы сделали пару заплывов и вернулись на берег. Вовремя, потому что увидели приближающееся к берегу стадо коров. Джим особенно любил деревенский скот, он все время стремился с ним подружиться или поиграть. Должно быть, с возрастом его пыл поубавился, но мы не стали рисковать, отложили встречу нашего престарелого дружелюбного пса с компанией жвачных животных на потом. Дядя достал из багажника полотенце, бросил мне, я вытерся. Он в это время вытирал тряпкой Джима. Немного подсохнув, мы сели в машину и поехали обратно на дачу.

Что может быть лучше, чем в жаркий летний день освежиться на речке у дачи? Это ощущение было бесценным. Теплый воздух обдувал мокрые волосы, на дачу мы приехали уже почти совсем сухими. Наши женщины начали расспрашивать, где мы пропадали. Но мы не признавались. Хотя всем, в общем-то, было понятно, где мы были, и все вопросы были лишь для видимости.

* * *

Мы пообедали вкуснейшим супом и летним салатом из огурцов и помидоров. После обеда мы с дядей Андреем начали разводить костер для шашлыков. Он мне не раз показывал, как соорудить шалашик из хвороста, чтобы получилось быстро, с одного раза разжечь огонь и поддерживать его. Пока я возился с хворостом и мангалом, дядя доделывал последний штрих своего кулинарного искусства. Костер был разведен. Я сел рядом и стал следить за огнем, время от времени подкладывая дровишки. Около часа мы ожидали хороших углей, после чего поставили первую партию мяса на огонь. Оно даже в сыром виде вызывало неконтролируемое слюнообразование – так вкусно пах маринад. Джим тут же прибежал и крутился вокруг, надеясь, что ему перепадет ароматного мяса. Дядя Андрей готовил шашлык исключительно на шампурах, не признавая никакого другого способа приготовления мяса на костре. Я свое дело по разведению и поддержанию костра выполнил и теперь стал лишь помощником истинного повара. Я внимательно следил за всем процессом, не знаю почему, но это завораживало.

Когда первая партия была готова, мы сняли ее с шампуров и положили в тарелку. Я понес готовое мясо на стол, пока дядя принялся насаживать новую партию. И в этот момент Джим ни с того ни с сего рванул с места, сбил дядю Андрея, который в этот момент стоял с тазиком в руках, и помчался на другой конец огорода.

– Джим! Куда тебя понесло? По дорожкам! – закричал дядя.

– Джим, а ну вернись! – крикнула мама.

Но пес стремительно за кем-то мчался. Половина огурцов, которые я поливал утром, были смяты под натиском собачьих лап. Я рванул за Джимом. Приближаясь к забору, в последний момент увидел рыжий пушистый хвост, скрывающийся под ним. Это была лиса. Джим кинулся за ней, но он был крупнее и не смог пролезть в промежуток между забором и землей. Я схватил пса и стал оттащить его от дыры. Выглянув за сетку, я увидел, как рыжий гость остановился, оглянулся, заметив отставание погони, спокойно скрылся в зарослях кустарника. Джим начал копать проход, но я его отдернул и повел обратно, он сначала сопротивлялся, но потом, тяжело дыша, поплелся за мной.

– Ах ты проказник! – отругал пса дядя Андрей. – Разве можно так? Таз с мясом перевернул, огурцы поломал. Все, будешь сидеть на привязи!

– Он не виноват. Это все лиса, а он охранял нашу территорию, – защитил я пса.

– Лиса? – удивилась бабушка Таня. – Откуда тут лисы? Сто лет не видела лис.

– Рыжая такая, под забор прошмыгнула.

– Наверно, мясо почувствовала, – предположила тетя Света.

На самом деле после такого забега Джим особо не сопротивлялся, было видно, что он выбился из сил. Дядя прицепил к ошейнику поводок и повесил на столбик. Большая часть мяса из таза была испорчена. Мы дожарили остатки и насладились вкуснейшим фирменным блюдом моего крестного. Мясо получилось, как всегда, отменным.

– Просто пальчики оближешь! – набив рот, похвалил я дядю.

Джиму, несмотря на его проступок, тоже досталась вкуснятина – то самое мясо, которое повалялось в пыли и земле по его вине. Тетя Света помыла полуфабрикат шашлыка и отнесла Джиму в награду за его охранные способности. Пес был счастлив и быстренько умял весь свой ужин.

Тем временем незаметно подкрался вечер. Солнце уже спряталось за домом, отчего беседка, в которой мы сидели, укуталась тенью. Потихоньку день стал приближаться к закату. В мангале продолжали краснеть угольки, словно яркие звездочки на небе. Я ворошил кострище палкой, отчего угольки взлетали вверх, словно светлячки, и тут же гасли. Джим посапывал, лежа у беседки. Когда стало темнеть, мама сказала, что пора ехать домой. Тетя Света и Тамара Андреевна решили остаться на даче с ночевкой, а дяде нужно было утром на работу. Поэтому мы быстренько собрались и сели в машину.

Обратно ехали в сумерках. Когда мы выехали из полосы деревенских домов, перед нами предстал чернеющий на фоне закатного неба силуэт храма. Он, как страж, возвышался над всей округой. Я в очередной раз затих перед его мощью. Он, словно старый мудрец, глядел тебе прямо в душу, от его взора нельзя было ни спрятаться, ни скрыть чего-то. Как глава семейства, он следит за всеми своими подданными. Есть такие места, которые обладают сильной энергетикой и хранят в себе память времён. Это именно такое!

Мы выехали на трассу, и дальнейшая дорога окунулась в темноту, освещаемую лишь фонарями. Такие дни, наполненные приятными моментами и пропитанные семейным теплом, запоминаются надолго вовсе не событиями, а испытанными эмоциями. Они нечасто бывают, но тем, наверное, ценнее и важнее память о них. Семья – это пристанище сердец, согреваемое одним общим очагом.

4. Наши мысли в формате «ё-моё»⁴

Как бы в родной обители ни было хорошо, лето – это та пора, когда появляется неудержимое желание убежать из дома навстречу самым фантастическим мечтам подростковой души.

Четырнадцать лет – паспорт уже при себе. Можно сказать, теперь ты официально являешься полноценным членом общества. Прелесть этого возраста в том, что ты уже не ребенок, но при этом на тебе еще не лежит целый воз ответственности. Можно развлекаться, познавать новое и не думать о том, что у тебя еще тысяча дел висит на горбу. Правда, тогда ты еще не понимаешь это в полной мере. Наверное, человек никогда не понимает прелесть того возраста, в котором он существует, пока эта пора не закончится... Мы почему-то всегда стремимся вперед, подгоняем настоящее пинками, словно мы ему не рады. Возможно, так оно и есть. Лишь летом голос рассудка немного просыпается и гнать время вперед хочется все меньше. Появляется желание запомнить каждый радостный момент, каждый счастливый миг, чтобы зимними учебными вечерами вспоминать всё это с теплотой в душе.

«Память... Точно! Нужно все это сохранить! Фотоаппарат. То, что надо!» – внезапно яркой вспышкой пронеслось в моей голове.

Это была находка, своеобразное нововведение. Я стал брать фотоаппарат почти везде с собой, запечатлевая яркие и, порой не очень, моменты. Желание сделать всё более крутые снимки подстегивало воображение для новых занятий и нестандартных локаций. Сначала друзья вели себя скованно рядом с новым моим другом, но вскоре он заслужил их доверие. Почти каждая прогулка превращалась в комедийную фотосессию с кривляниями, в движении и обязательно на необычном фоне. Все началось со двора и его окрестностей, после мы стали перемещаться все дальше и дальше, отыскивая интересные места. Поиск – вот, наверное, ключевое слово начала этого лета. Поиск локаций, поиск идей, поиск себя. «Кто ищет, тот всегда найдет» – с этим не поспоришь! Так было и с нами.

* * *

Первый месяц лета стремительно подходил к концу. Чаще всего мы гуляли на улице вчетвером. То один не мог, то другой не хотел. Постоянным оставался лишь наш квартал. Этот день был не исключением. На улице стояла дикая жара, пух летел в глаза, залезал в нос, запутывался в волосах. Самое время сидеть дома под вентилятором. Но это было не для нас!

Мы жарились под солнцем, допивая вторую полторашку воды, дурачились и делали забавные фотографии на фоне стены с большим ярким граффити. На телефоне играли песни группы «Звери», поддерживая и без того хорошее настроение.

– А давайте поднимемся на крышу? – неожиданно предложил Миша.

– Было бы круто! – поддержал Димка.

– Да, мы тебя все равно с собой не возьмем, не раскатывай губу, – остепенил товарища Мишка.

– Это еще почему? Ва-а-а-ань! – крикнул Димка.

Он всегда в случае чего окликал меня, я был для него старшим товарищем и опорой во всех вопросах. В это время я как раз выбирал удачный ракурс, чтобы сфотографировать Шурика на фоне граффити.

– Ваня, почему вы не хотите меня брать с вами на крышу? – обиженно спросил Дима.

Я отвлекся от Шурика, который активно позировал на камеру и частенько сам от себя же впадал в увеселительную истерику. Так было и в этот раз.

⁴ Сергей Трофимов – «Поколение пепси»

– Миха это сморозил специально, чтобы тебя подразнить. Чего ты ведешься на его уловки? – объяснил я.

– Ах, ты! – крикнул Димка и полез с кулаками на обидчика. Мишка вытянув руки вперед, удерживал Димку так, чтобы он не смог до него достать, и смеялся.

Шурик вышел из своего эмоционального приступа и попытался уговорить активизировавшегося младшего друга.

Я не упустил момента и запечатлел эту битву титанов на фотоаппарат. С трудом, но все же Димка уговорился. Миша вернулся к своей идее-фикс:

– Ну что там насчет крыши?

– Идея, конечно, классная. Но где мы найдем открытую крышу, Мишань? – поинтересовался я.

– Мы что, правда, пойдем на крышу?! – воскликнул Димка.

– Помолчи! – одернул его Шурик.

– Это уже сложнее, – будто не слыша других, продолжал Миша. – Но сначала надо решить: хотим или не хотим?

– Конечно, хотим! – не унимался Димка, чьи глаза уже всюду горели.

– Да что ж ты будешь делать? – Шурик дал подзатыльник малому.

– Ай!

– Но вообще-то я с ним согласен. Что за вопрос: хотим или нет. Ясен-красен хотим! – Шурик тоже загорелся идеей.

– Но от простого хотения, по-моему, толку мало, – сказал я.

– Как это мало? Захотеть – это уже полдела, – ответил Мишка.

– Найти открытую крышу не так-то просто. А забраться туда беспалевно? Это вообще довольно проблематично.

– Ой, да ладно, не усложняй. Было бы желание, а способ найдется.

– Тем более это очень крутая новая локация, Вань, – подключился Шурик.

– Да, Ваня, там же так круто! – воспользовавшись случаем, вставил свою реплику Димка.

– Можно подумать, ты там был! – толкнул его в бок Шурик.

– Ну, еще не был, но скоро буду, – хитро заулыбался Димка.

Мишке тоже с трудом удавалось скрыть свою улыбку: он понимал, что большинство за него.

Я задумался. На крышу подняться – это очень заманчиво. Выброс адреналина обеспечен. Как всегда, запретный плод неизмеримо сладок, да и кадры оттуда могут получиться потрясающими. Я сдался, хотя особо и не сопротивлялся, потому что сам дико хотел туда попасть.

– С какого дома начнем? – спросил я.

Димка от радости запрыгал.

– Что ты скажешь? Лучше сходи домой за водой! – одернул его Шурик.

– Не пойду! – крикнул Дима.

– Почему? Боишься, что домой загонят? – съязвил Мишка.

Димка замаялся, поняв, что его раскусили. Мы все дружно засмеялись.

* * *

Согласие было получено, осталось только найти ту самую крышу, которая уже ждала своих юных исследователей-авантюристов.

В первую очередь следовало проверить все наши дома, вдруг повезет, и крыша будет открыта в каком-нибудь из наших подъездов. Но, увы, такая удача нам не улыбнулась. Это было бы слишком просто. Поэтому поиски затянулись. Летом многие подъезды открывали для проветривания, поэтому проблемы зайти внутрь не предвиделось. А вот попробовать незаметно

попасть на крышу – это уже настоящая «миссия невыполнима». Димку мы редко брали с собой на поиски, он, разумеется, об этом не догадывался. А когда брали, чаще всего это были ближайшие дома, которые мы уже по-тихому проверили, чтобы в случае успешной находки наш маленький товарищ не смог запороть нам операцию. Так что нам втроем приходилось брать подъезды почти что штурмом.

Открытые мы обследовали в первую очередь. Препятствия начинались с лифта, точнее, с необходимости попасть на девятый (иногда десятый) этаж незаметными для входящих-выходящих соседей. Кто-то из нас первым ехал на предпоследний этаж и осторожно поднимался наверх, исследовал обстановку и, если все тихо, подавал знак остальным. Поднявшись на этаж, каждый брался за выполнение своей максимально важной задачи. Мишка чаще всего следил за лестницей и слушал звуки, доносившиеся из-за дверей квартир. Шурик держал лифт, чтобы предотвратить появление нежданных жителей последнего этажа. Вдруг кому-то взбредет в голову поехать на последний этаж и застать нас, незнакомых подростков, за непонятным занятием. Мне же досталась роль проверяющего люки на предмет закрытия, самая ответственная и опасная роль. Подниматься по сомнительно закрепленной лестнице было довольно страшно. Чаще всего вся наша миссия завершалась минуты за две. Ключевой момент дела – толкнуть люк или дернуть за замок, чтобы удостовериться, что он закрыт. Мы осмотрели ближайшие открытые подъезды, но, к сожалению, все было тщетно и безрезультатно.

Однажды мы были максимально близки к успеху. Работая по одной и той же схеме, мы зашли в дом, который находился в нескольких кварталах от нашего двора. К счастью, подъезд был открыт. Мы поднялись на девятый этаж и, как обычно, проверили, чтобы никого не было. Удостоверившись в этом, я полез по лестнице наверх (страх выполнения этого задания так и не проходил). Я толкнул крышку люка, ожидая очередную неудачу. Но не тут-то было! Я чуть не свалился с лестницы от неожиданности. Крышка поддавалась моему усилию и сдвинулась вверх. Мне стоило огромных трудов сдержаться, чтобы не закричать на весь дом.

– Пацаны!

– Да неужели... – Мишка стоял, разинув рот, совершенно забыв о своем посту наблюдателя.

– Что там у вас? – громко прошептал Шурик из-за дверей лифта.

– Открыто! – воскликнул Мишка.

– Да тише ты! – шикнул я на него.

Крышка люка была довольно тяжелой, и с легкостью ее поднять не получалось, пришлось приложить усилия, чтобы хоть чуть-чуть ее открыть. Жуткий скрип раздался на весь подъезд. От столь неприятного звука я чуть было не бросил уже почти поднятую крышку люка.

– Это ты мне говоришь тише? Давай живее поднимай, пока кто-нибудь не вышел на площадку.

Я последовал совету Миши и до конца открыл крышку, которая с не менее тихим звуком стукнулась о стену. Оглянувшись, я увидел осуждающий взгляд друзей. Шурик бросил свой пост и стоял, с нетерпением глядя на проем в потолке.

– Полезай, быстрее! – сказал он.

– Одни советчики собрались, – раздраженно бросил я, поднимаясь на технический этаж.

Мишка уже был сзади меня, он оставил возмущающегося Шурика следить за тем, чтобы никто нас не увидел. Это был выход на чердак и к лифтовому механизму. Впереди – еще одна небольшая лестница с совсем маленькой дверцей, которая как раз должна была вести на крышу. Миша поднялся и уже стоял рядом, разглядывая обстановку. Я, недолго думая, пошел к лестнице и стал по ней подниматься. Вдруг раздался громкий шепот Шурика, отдававшийся эхом от стен:

– Кажется, кто-то в тамбур вышел. Спускайтесь скорее!

Мишка рванул обратно, пытаясь как можно быстрее спуститься с этой крутой лестницы. Шурик подгонял его, подсказывая, как лучше повернуться.

Но я не мог вернуться назад, нужно было проверить, открыта дверь на крышу или нет. Я уже потянулся к ручке, когда меня окликнул Мишка, выглядывая из люка.

– Что ты там застрял? Нас сейчас спалят! Давай скорее.

– Да, сейчас. Только проверю.

– Что?

– Да подожди ты!

Я схватился за ручку, дернул ее, но она не поддалась, тогда я повторил действие, приложив больше силы, и опять безрезультатно. «Ну как так-то???» Я в отчаянии обернулся назад, Миши уже не было видно. Я поспешил к люку. Подошел к краю и понял, в чем вся проблема. Не помню как, но мне удалось спуститься, наверное, благодаря настойчивым подгоняющим репликам друзей. Стоило мне спрыгнуть с последней ступеньки, как дверь одного из тамбуров открылась, и оттуда вышел какой-то лысый мужик. Мы застыли как вкопанные на месте, пока он грозно не крикнул:

– Что вы тут делаете?!

Мы со всех ног дали деру по лестнице. Перепрыгивая порой через три ступеньки, я летел как ужаленный в одно место. Запыхавшаяся наша троица выбежала из подъезда и побежала за дом. Отбежав на безопасное расстояние, мы остановились. Теперь можно было перевести дух. После такого выброса адреналина на нас напал безудержный смех. «Штирлиц ещё никогда не был так близок к провалу». Мы наперебой говорили друг другу о том, как все это происходило со стороны для каждого из нас: как мы поднимались, спускались, убегали. Мы без остановки хохотали, изображая и переживая заново все эмоции. Шурику было жаль, что он не успел подняться наверх, но как раз благодаря ему мы не попались. Так что он, можно сказать, был нашим спасителем. Да, приключение удалось, но выхода на крышу мы так и не нашли.

Видимо, нужно было увеличивать зону поиска и подключать других людей.

* * *

Многие считают, что мужчина и женщина, ну или парень и девушка, не могут дружить. Мол, рано или поздно между ними появится симпатия, у одного из двоих – уж точно. Я не знаю, наверное, этим людям повезло меньше, чем мне. Просто у них не было настоящего друга противоположного пола, вот и все. Меня в этом отношении жизнь не обидела.

В параллели с нами училась девчонка, с которой я каким-то образом стал очень хорошо общаться. Никаких подростковых неловких ухаживаний и проявлений симпатии даже в мыслях не было – обычное общение в школе. Совместное участие в школьных и городских мероприятиях привели к тому, что мы стали настоящими друзьями и общение перешло за пределы учебных стен. Мы могли иногда вместе гулять в выходной день или просто болтать по телефону несколько часов.

Ира... Энергия из нее была ключом. Максимально позитивный человечек, с которым мы были на одной волне. С наступлением каникул нам никак не удавалось увидеться, но мы не переставали общаться, созваниваясь по телефону. Наконец-то выдался свободный вечер у нас обоих, и мы договорились о встрече.

По хорошей традиции мы встретились на улице Лунной (там жила Ира). Вечер был теплый и безветренный, солнце потихоньку пряталось за домами, вытягивая тени по земле. Мы сидели на скамейке и разговаривали о том, как у кого началось лето. Из телефона играли песни группы «Руки вверх». Это была наша своеобразная «фишка»: нам обоим нравились хиты Сергея Жукова. Находясь вместе, мы частенько их слушали.

В конце учебного года активистам нашей школы подарили путевки в детский лагерь на берегу Черного моря. Смена, на которую мы ехали, начиналась десятого августа. До отъезда было еще много времени, но, тем не менее, мы поделились своими соображениями по поводу предстоящего отдыха. С одной стороны, путевка была неожиданной, а с другой, наоборот, – долгожданной: путевки в лагерь давали только самым активным ученикам. Мы старались весь год, и вот он, результат! В целом наш разговор о лагере был очень абстрактным, так как ни я, ни она ни разу там не были. Все наши познания ограничивались слухами и рассказами других людей.

Закончив обсуждать будущую поездку, я достал фотоаппарат и начал показывать свои самые удачные фотографии с ребятами. Ира заразительно смеялась с наших «фотосетов». Она толкала меня в бок и говорила, какие мы «дурашки». У нее была очень необычная милая внешность. Стоило ей улыбнуться, как глаза превращались в узкие щелочки и на щеках появлялись глубокие ямочки. Ее рыжие волосы кудрями ложились на плечи, а с весны на ее щеках и носу появлялись хорошенькие веснушки, которые делали ее лицо еще более милым.

– Ну, Ваню, вы даете! – смеялась Ира, вытирая глаза от выступивших от смеха слез.

Она единственная, кто называл меня так.

– Надо же хоть как-то развлекаться на каникулах. А не как некоторые – сидеть целыми днями дома, да, Ирэн?

Да, и такая у нас была «фишка»: я – Ваню, она – Ирэн. Главное, никто из нас уже не помнил, с какого момента это началось.

– Так. Это что за камень в мой огород? Я не поняла, – она нарочно тянула последние гласные, чтобы показать свое возмущение.

– Что, разве не так? Сидишь дома, тухнешь. А мы развлекаемся на всю катушку. Вон какие фотки делаем.

– Да, фотографии и правда классные, тут не поспоришь, – ответила Ира, перелистывая их на фотоаппарате.

– Мы, понимаешь ли, тут поисками глобальными занимаемся, крыши открытые ищем, а она дома сидит, сериальчики смотрит, – не унимался я.

– Вы крышу открытую ищите?

– Ну да, уже неделю по подъездам лазаем.

– А что ее искать? Вон она, – сказала Ира, небрежно показав на верх своего дома.

– В смысле? – удивился я. – Ты хочешь сказать, в твоём доме открыт люк на крышу?

– Да, я хочу сказать, что в моем подъезде открыт выход на крышу.

У меня от удивления открылся рот, я не верил своим ушам. Долгие поиски не без приключений и с диким выбросом адреналина закончились. И оказывается, цель была так близка.

– Да что такое, Ваню? – спросила Ира.

– Ты смеешься надо мной? – я никак не мог поверить ее словам.

– Ага, угораю, аж пять раз! – сказала Ира, хлопнув в ладоши.

– Ир, чего ты раньше не говорила про открытую крышу?

– Интересное дело! А кто у меня спрашивал? – воскликнула она.

От радости я подскочил и даже стал пританцовывать. В этот момент Ирэн взяла мой фотоаппарат и стала меня фотографировать. Я не сопротивлялся, даже наоборот, стал еще больше играть на камеру, улыбаясь во весь рот. Фоном играла зажигательная «Ай-яй-яй»⁵.

⁵ Руки Вверх! – «Ай-яй-яй»

* * *

Крыша была найдена. Меня распирали разные чувства в преддверие скорой вылазки на высоту птичьего полета. Дело оставалось за малым: выкроить время, когда у Иры никого не будет дома, потому что она как раз жила на последнем этаже, а попасться на глаза ее родителям было бы не лучшим развитием событий. Кроме этого, она сама хотела с нами подняться туда. А от нас требовалось только собрать команду и быть наготове, что, разумеется, было уже сделано.

Несколько дней мы ждали отмашки от Иры, при этом все настолько загорелись предстоящим мероприятием, что ни о чем другом даже думать не могли. Мишка долго сопротивлялся нашему решению рассказать Димке о крыше и тем более взять его с собой. Но раз уж вместе искали и идея была общая, я не мог его не позвать, о чем после пришлось пожалеть.

Наконец настал день икс! Ира позвонила мне утром и сказала, что сегодня, ближе к вечеру, у нее дома никого не будет и она свободна. Мы договорились, что к пяти часам подойдем к ее подъезду. Я тут же обзвонил всех причастных к нашему «походу». Новость не могла не обрадовать. Встретились мы заранее, сидеть дома в ожидании было невозможно, лучше уж разделить это время с друзьями.

– Ох, ну когда уже? – из стороны в сторону расхаживал Миша.

Мы сидели на плитках за домом и ждали, когда время приблизится к пяти часам, чтобы пойти к Ириному дому. Она попросила к ней раньше времени не приходить, чтобы не попасться на глаза ее мамы, которая могла задержаться дома. Димка стоял и крутил перед собой палку.

– Немного осталось подождать. Терпение, Миш, терпение, – сказал я.

– Я не могу больше ждать!

– Да ладно, скоро уже пойдем.

– Может, надо было что-нибудь с собой взять?

– Что? Альпинистскую страховку? Ну, это только если ты решил с крыши к кому-нибудь в гости на балкон наведаться.

Димка с Мишей рассмеялись.

– Ага, точно. Такой: «Здравствуйте, я к вам пожаловал на чай», – Миша выполнил низкий поклон.

Димка от смеха выронил из рук палку и схватился за живот.

– Может, Францова нас чаем угостит? – предположил Миша, пытаясь перекричать громкий смех Димы. Францова – это фамилия Иры. В школе частенько все называли друг друга по фамилии.

Шурик почему-то не присоединился к нашему веселью. Он сидел в стороне от нас на плите. Я подошел к нему и спросил:

– Что такое, дружище?

– Ничего, все нормально.

– Да что ты? Кого ты обманываешь?

– Ды не, Вань, всё в порядке. Просто что-то я не знаю насчет крыши. Может, я не пойду...

– Что ты там под нос себе бормочешь? – Миша толкнул в бок Шурика, запрыгнув на плиту рядом с ним.

– Да не знаю, как-то я уже не очень хочу на эту крышу. А если нас увидят? Потом проблем не оберемся.

– Что, на попятную пошел, Шура? Струсил небось? – не унимался Мишка.

– Я не струсил! – разозлился Шурик.

– Струсил, струсил! – начал передразнивать Дима, прыгающий перед плитой.

– Я тебе сейчас по башке струшу, хочешь? – сквозь зубы процедил Шурик.

Он отвернулся и попробовал отсесть от надоедливого Мишки. Но тот его крепко держал за плечо. Весовая категория у них была разная: широкий, в теле, Мишка, и длинный, худощавый Шурик.

– Шурик, да ладно тебе, – начал уговаривать я друга. – Не волнуйся. Всё будет классно! Залезем на крышу, глянем, какой там крутой вид, сфоткаемся. Что тут такого? Ты только представь, какие кадры оттуда получатся! Посмотри, какие сегодня красивые облака, красота да и только! Давай, не вноси смуту.

– Действительно! Хорош ломаться, братан! – поддержал Мишка.

– Ха-ха-ха! Шурик ломается! Как моя палка, – прорычал Димка и разломал палку об колено, после чего еще громче захохотал.

Мишка вздохнул, окинув меня взглядом, в котором читалось: «Что я говорил. Не нужно его с собой брать». Шурик вроде как даже немного оживился, но продолжал гнуть свою линию:

– А вдруг люк закроют, когда мы там будем. Как мы оттуда выберемся? Вы об этом подумали?

– Ирэн сказала, что там всегда открыто, по этому поводу волноваться точно не стоит.

– Да почему я должен верить какой-то девчонке? И что за Ирэн? Не слишком ли пафосно? – Шурика понесло.

Тут уже я не выдержал и стал повышать голос:

– Так, во-первых, это моя подруга и не надо о ней так отзываться! Если ты веришь мне, то должен верить и ей. Во-вторых, Ирэн – это очень красивое имя, ничего сверх-пафосного в этом нет. Не хочешь идти – не иди. Твоё дело. Мы что, тебя уговаривать должны?

Все стихли после моей импульсивной речи. Даже Димка перестал смеяться. Шурик покраснел и стал потирать руки, потом поднял голову, посмотрел на меня и сказал:

– Извини, я, правда, перегнул. Сам не знаю, что на меня нашло. Мы столько искали эту крышу, а когда нашли, я что-то замялся. Дурак. Не берите в голову.

– Да ничего страшного. Бывает, – я протянул ему руку, он ее пожал. – Ну что, всё в силе?

– Конечно! Идём. Сколько там уже время?

Мишка посмотрел на часы. И как диктор прочеканил:

– Четыре тридцать пять. Осталось ровно двадцать пять минут до знаменательного момента.

– Пора! – провозгласил я.

– Ну наконец-то! Пойдемте скорее! – прыгал от нетерпения Димка и тянул Шурика за руку.

5. А мы сидим на крыше – кто выше, а кто ниже⁶

Ира уже ждала нас возле подъезда, глядя в сторону дороги, по которой мы шли. Мы подошли, поздоровались. Я познакомил Иру с Шуриком и Димой, Мишу она знала. Димка, до этого не замолкавший всю дорогу, притих рядом со взрослой для него девушкой. Шурик, наоборот, воспрянул духом, его страх и сомнения тут же испарились, словно их и не было. В отличие от Димки, его Ира ни капельки не смущала, а скорее наоборот, подбадривала своей добродушной улыбкой.

– Так, не будем рассусоливать, давайте быстренько договоримся, кто будет на стреме, – взял Мишка дело в свои руки.

Решили, что Шурик подежурит на этаже, пока мы все не залезем в люк, будет, так сказать, замыкающим. При Ире он не стал возражать, решив, что ему доверили довольно важное задание. Очередность мы распределили довольно быстро, видимо, при девочке никто не хотел спорить и возмущаться. Первым забираться должен был я, чтобы осмотреться и подать остальным руку, за мной – Ира, как почетный открыватель данной локации, после нее – Димка. Мишка все это время должен был страховать внизу, а Шурик вести наблюдение за лестницей, лифтом и звуками из-за дверей на лестничной площадке. Мишка залезал после Димки, и замыкал всю эту процессию Шурик. Всё так и прошло – гладко, спокойно, без каких-либо накладок.

В подъезде стояла мертвая тишина, отчего наш шепот громко отражался от голых стен. Дождавшись последнего из нашей группы, я спокойно выдохнул и направился к точно такой же дверце, как и в том доме, из которого нам пришлось недавно удирать, за одним исключением – она была приоткрыта, и из щели пробивался солнечный свет. Забравшись по маленькой лестнице, я дернул на себя дверцу, и она со скрипом поддалась. Все от неожиданно громкого звука замерли, как суслики, увидевшие коршуна. Я открыл дверь – чердак осветился солнечным светом. Сердце бешено заколотилось, я сделал широкий шаг и оказался крыше. Забравшись, на миг закрыл глаза и вдохнул свежий воздух. Ветер, свободно гуляющий на высоте птичьего полета, принялся развеивать мои волосы. Я не мог поверить, что стою на крыше дома. Опомившись, обернулся и помог забраться Ире и Диме. Нетерпеливый Мишка настойчиво подталкивал младшего друга вперед, желая скорее выбраться наверх и увидеть собственными глазами результат своего генератора идей.

Я уже расхаживал по крыше, разглядывая захватывающие виды, раскинувшиеся передо мной, как на ладони. Да, хоть я и жил на верхнем этаже дома, но из окон всё равно открывался совсем не такой вид. Здесь не было почти никаких препятствий для обзора, можно было на 360 градусов осматривать всю округу. Ощущение птичьего полета накрыло с головой. Лишь провода и вытяжки немного портили пейзаж, но это мелочи.

Ира стояла рядом со мной, расправив руки в стороны, она широко улыбалась, отчего ее глаза снова превратились в тонкие щелочки. Ее волосы развеивались на ветру, точно оранжевые паруса. Солнце казалось ближе и светило прямо в лицо.

Мишка не смог сдержать восторга и прокричал:

– Юху-у-у!!!

Димка с открытым ртом молча вертел головой из стороны в сторону. У Шурика, как и у Иры, улыбка не сходила с лица.

– И я еще не хотел идти... – чуть слышно прошептал он.

Увидев радость и восторг на лицах моих друзей, я понял, что наша цель достигнута. И поисковая группа свою задачу выполнила, конечно, не без помощи верной подруги. От переполняющих чувств я рассмеялся во весь голос и поддержал Мишку своим более громким

⁶ Денис Майданов – «Оранжевое солнце»

«Юху-у-у!». Все сначала резко обернулись в мою сторону, но потом поддержали мой эмоциональный выплеск своими возгласами. Все словно забыли о правиле «нужно вести себя тихо, не привлекая внимания, чтобы не спалиться».

Ирэн кружилась, раскинув руки в стороны. Она звонко смеялась. Я пошел за Мишей, который направился на другую сторону крыши.

– У нас получилось! – сказал я, догнав друга.

– Ура! Ты сам-то в это веришь?

– Пока сложно сказать. Но твоя идея подняться на крышу, однозначно, была одной из лучших за последние несколько лет.

– Что?! А как же шалаш в заброшенной тачке? Или велозабег до речки? – возмутился Мишка.

– Ну, во-первых, велозабег до речки – это была моя идея, – поправил я друга.

– Как бы не так! Может, и на крышу ты предложил забраться? – Мишка был возмущен до предела, немного переигрывал, но выглядело все довольно правдоподобно.

– Хватит ссориться, мальчики, – сказала улыбающаяся Ира, подходя к нам.

– Да мы тут пытаемся разобраться, кому причитаются главные лавры за вылазку на крышу, – объяснил я и приобнял Мишку за плечо.

– Так это же очевидно! Разумеется, мне, – рассмеялась Ира.

Мишка от удивления аж охнул. Я толкнул его в бок и сказал:

– И то верно. Справедливо, ты так не думаешь?

– Ну... да, наверно, – замылся Мишка.

– Да я шучу, успокойся, – сказала Ира и вприпрыжку направилась в другую сторону.

Шурик подошел к нам, а Миша направился к краю крыши. Посмотрев на его уверенную походку, я двинулся за ним, но, не дойдя до края, остановился. Какой-то внезапный страх напал на меня, по всему телу побежали мурашки. Мишка уже стоял возле обрыва и заглядывал вниз за поручни. Шурик остановился рядом со мной.

– Как же здесь всё-таки здорово! – сказал он.

Я будто не слышал его слов, продолжал смотреть на храброго Мишу, который внимательно разглядывал двор с высоты. Шурик, заметив мой ступор, крикнул Мише:

– Братан, ты там смотри за птичками не прыгни, а то у меня так кошка один раз выпрыгнула с пятого этажа. Не повторяй ее подвиги, ты-то на четыре лапы не приземлишься.

Миша развернулся и скорчил рожицу. За спиной друга развернулся целый жилой район, несколько десятков многоэтажек были словно на ладони. Дом Иры стоял на небольшой возвышенности, спереди и сзади него не было других домов, которые могли бы закрывать или ограничивать обзор. Урбанистический пейзаж во всех своих красках предстал перед нами с высоты птичьего полета. Высотки перестали казаться большими строениями и превратились в игрушечные домики, беспорядочно разбросанные непослушным ребенком. В некоторых окнах отражались лучи солнца, и казалось, что они объаты горящим пламенем. Я смотрел на красоты нашего города, на районы, расстилавшиеся перед нами, улицы, кварталы... И вдруг в голове, словно по щелчку, вспыхнула идея. В это мгновение я почувствовал себя сродни гениям, у которых идеи рождались вмиг то ли от удара яблоком по голове, то ли от чего-то еще. Перед глазами полетели картинки, кадры, заиграла музыка, словно кто-то нажал кнопку «play».

– Мы снимем здесь клип, – произнес я вслух, сам того не заметив.

– Что? – переспросил Шурик.

В этот момент мы услышали голос Иры:

– Ребята, скорее сюда!

Голос у нее был напряженный, мы сразу поняли, что что-то не так, и поспешили туда, откуда доносился голос. И только тут я понял, что с самого подъема на крышу вообще ни слова не услышал от Димки.

Ира сидела на корточках рядом с Димой. Он закрыл лицо руками и тихо всхлипывал. Было непонятно, что случилось. Я подошел к нему, наклонился и спросил:

– Димка, что такое?

– Эй, мелкий, ты чего? – подхватил Шурик.

Он продолжал всхлипывать, не отвечая на наши вопросы. Я вопросительно посмотрел на Иру. Она шепотом произнесла:

– Он испугался высоты.

Мишка рассмеялся:

– Что? Испугался? Мелкий трусишка!

Я сверкнул глазами на Мишку, чтобы он замолчал. Ира тоже строго посмотрела на него. Но он словно не замечал наших взглядов.

– И это ты еще над Шуриком прикальывался на плитах? Больше всех кричал, что хочешь на крышу. Так пошли, посмотрим на виды! – Миша потянул Диму за руку.

Димка вырвался из Мишиной хватки и зарыдал.

– Что ты делаешь? Прекрати! – крикнула Ира.

Миша не хотел так просто сдаваться и снова схватил Димку и потащил за собой. Плач перешел в истерику, и он начал кричать:

– Пусти меня! Нет! Не надо!

Я вмешался, отцепил Мишины руки от Димки. Освободившись, «мелкий трусишка» побежал к выходу.

– Зачем ты так? Ну, испугался. Что тут такого? Зачем насильно тащить его куда-то? – сказал я, в упор глядя на Мишу.

– Нужно смотреть в глаза своему страху! – сурово ответил Миша.

– Отлично! А потом бегать по всей крыше от какого-нибудь мужика, который прибежит на его крики, да?

– Я с самого начала был против того, чтобы брать его с собой! Это ты, Ваня, настоял на его компании.

– Ребята! – крикнула Ира.

– Ирэн, подожди... Чем он тебе не угодил? Можно подумать, ты в его возрасте славился храбростью!

– Можно подумать! Уж плакать я точно не стал бы из-за того, что сам напросился со старшиками на крышу.

– Миха, Вань! – позвал на этот раз Шурик.

– ДА ЧТО??? – хором отозвались мы, повернувшись в их сторону.

– Димка убежал вниз, слезает с крыши.

– Пускай валит! – махнул рукой Миша.

Я побежал за младшим товарищем. Подбежав к выходу, увидел исчезающую в люке голову Димки и поспешил за ним, спускаясь на технический этаж. И вдруг послышался грохот, эхом отражающийся от стен подъезда. У меня сердце ушло в пятки: «Димка свалился с лестницы». Спрыгнув с последних ступенек, я рванул к люку. Увидел поднимающегося с колен Димку и выдохнул: «Благо, не убили».

– Дим, всё нормально?

Он взглянул заплаканными глазами вверх. В этот момент дверь одной из квартир распахнулась. Димка, испугавшись, рванул вниз по лестнице. Я припал в сторону от люка так, чтобы меня не было видно, в надежде переждать, пока житель уедет на лифте вниз, и побежать за Димкой. Человек пошел в сторону лифта, я лежал возле люка, сердце бешено колотилось. Шурик выглянул с крыши, увидел меня, я замахал ему рукой, чтобы он спрятался и прижал палец к губам, показывая, чтобы все вели себя тихо. Так долго лифт еще никогда не ехал, мне казалось, прошла целая вечность, пока я услышал клацанье открывающихся дверей. Как

только двери лифта закрылись, я подскочил и полез вниз по лестнице. Перепрыгивал через несколько ступенек, летел с девятого этажа со скоростью света. Я выбежал из подъезда и стал оглядываться по сторонам, высматривая Димку, несколько раз громко прокричал его имя, но все тщетно. Обежал вокруг дома, но Димки нигде не было. Когда я вернулся, Шурик, Ира и Миша уже стояли возле подъезда.

– Ну что, ты доволен? – накинулся я на Мишу.

– Я тут при чем? Будешь меня винить в том, что он струсил и дал дёру? – оборонялся Миша.

– А кого еще винить? Ты вообще слышал, как он грохнулся с лестницы?

– Не надо было нестись сломя голову без нас! В том, что он упал, я уж точно не виноват. Я на эмоциях развернулся и стал расхаживать из стороны в сторону.

– Ну и где нам теперь его искать?

– Зачем его искать? Он сто процентов побежал домой, мамочке жаловаться.

– Да чем он тебе так не угодил? Больно взрослый стал, а мозгов, по-моему, не прибавилось!

– Лучше остынь, дружище, а то я долго слушать оскорбления не собираюсь!

– Прекратите! Сколько можно собачиться? Тем более при девушке! Вам самим не стыдно? – попытался пристыдить нас Шурик.

Откровенно говоря, у него это немного получилось. Мы с Мишей отвернулись друг от друга, опустили глаза. Ира, качая головой, посмотрела на нас:

– Эх, мальчики, мальчики... Ладно, я пойду, наверное, лучше домой. Ваню, позвони мне вечером, хорошо?

– Хорошо, Ирэн, – кивнул я. – Извини, что так...

– Всё нормально, не переживай, всякое бывает, – перебила она. – Пока, мальчики, и прекращайте ссориться.

Ира помахала рукой, мы ей ответили тем же. Она зашла в свой подъезд, а мы молча направились в сторону нашего двора.

* * *

Как бы я не злился на Мишу, вскоре пришлось признать, что он был прав. Не нужно было брать с собой Димку. Это один из тех случаев, когда хотел, как лучше, а получилось, как всегда.

Вернувшись после долгожданной вылазки, мы разошлись по домам. Настроение, к сожалению, было испорчено, несмотря на то что мы добились цели. Я шел в своих мыслях, не замечая никого вокруг, думал о том, что нужно позвонить Диме домой, узнать как он там. Вдруг сквозь поток мыслей послышался голос, кто-то меня окликал. Отмахнувшись от надоедливых мыслей, я обернулся и увидел маму Димки, которая стремительно приближалась ко мне. Я решил, что стоит узнать, вернулся ли мой друг домой:

– Здравствуйте, тетя Лариса. Димка вернулся домой?

– Да, вернулся. Об этом, Иван, я и хотела с тобой серьезно поговорить. – тон у нее был неприятливый. Стало ясно, что дело плохо. Когда взрослые говорят «серьезно поговорить» – жди беды.

– На какую крышу ты потащил моего сына? Почему у него сбиты колени и он в слезах прибегает домой? А на вопрос «С кем и где он был?» отвечает, что с Ваней на крыше.

У меня сердце в пятки ушло. «Всё-таки пожаловался...».

– Тетя Лариса, никто его туда не тащил, он сам с нами напросился, – начал я оправдываться.

– Да ты что? И в слезах он прибежал домой просто так?

– Он испугался.

– И колени у него сбиты от испуга? Ваня, хватит оправдываться. Признай, что ты виноват! Ты гуляешь с Димой и дружишь не первый год, а в итоге: он прибегает в слезах, с какими-то синяками, ссадинами, и это не в первый раз.

Такой поворот событий мне совсем не понравился.

– Вы хотите сказать, что это я ему эти ссадины и синяки ставлю?

– Я не знаю, кто там что кому ставит. Но вести младшего друга на крышу дома – это безответственно. Да, ты старше его, и он за тобой гонится, хочет быть взрослее на твоём фоне. Но даже для тебя идти на крышу – это уже перебор.

– Я всего лишь...

– Не перебивай меня. Всё! Больше мой сын не будет общаться с вашей компашкой. Хватит! Чтобы больше я тебя и твоих дружков рядом с ним не видела, тебе понятно? Я ещё подумаю насчет того, чтобы рассказать твоей маме, чем занимается на досуге её любимый сынок.

Я не знал, что ответить на это несправедливое обвинение. Я всё время защищал Димку и был с ним рядом. И сейчас я шел, чтобы узнать, как он, а тут такое неожиданное нападение с обвинением во всех грехах.

– Тетя Лариса...

– Я всё сказала! Надеюсь, ты меня услышал. Иначе я буду совсем по-другому с тобой разговаривать, и передай своим оболтусам то же самое.

Я хотел объяснить ситуацию, но мне не дали этого сделать. Она развернулась и направилась в сторону подъезда. Проводив взглядом маму моего, наверное, уже бывшего друга, я взглянул вверх и заметил выглядывающего из окна Диму. Он увидел меня и быстро спрятался за шторкой.

Так опустошен я давно не был. Чувство, когда тебя ни за что ни про что с ног до головы облили грязью, сложно передать. На душе становится мерзко, и обида заполняет всё нутро. Чего-чего, но такого предательства от Димы я не ожидал. Это был удар ниже пояса. Я расстроился не из-за того, что пригрозили рассказать маме, хотя это было бы совсем некстати. Нет. Дело было в другом. Дима просто смотрел за этой сценой и, разумеется, прекрасно слышал, что говорила его мама, но при этом ничего не сделал. Он даже не попытался объяснить ей ситуацию и сказать, что я не виноват в том, что произошло. Ведь я, правда, был не виноват. Но кому охота признаваться, что он струсил, даже своей собственной матери. А рассказать, что сам больше всех рвался пойти на крышу, – это вообще равно самоубийству. К сожалению, в этом случае мой друг решил пожертвовать нашей дружбой, чтобы прикрыть свой зад.

Когда я немного отошел от случившегося, решил, что стоит извиниться перед Мишей, признать, что он был прав и нужно было его слушать. Так я и поступил. На следующий день я встретился с Мишей, рассказал ему о своем разговоре с мамой Димы и признал свою неправоту. Спасибо, что он не стал произносить: «Ну я же говорил». Он молча протянул руку, мы обменялись рукопожатием, и на этом тема была закрыта. Шурик, в отличие от Мишки, гораздо сильнее негодовал по поводу этой ситуации, даже показательно плюнул на землю, произнеся: «Какой он друг после этого?».

– Так, ладно, обсудили и хватит. Он просто еще слишком мелкий. Проехали, – сказал Миша. – Ну что когда в следующий раз идем на крышу?

Пусть первый заход и оставил после себя неприятный осадок, но ясно было одно – вылазку нужно повторить. Мы даже не успели сфотографироваться. Кроме этого, я еще не поведал друзьям о своей суперидее, а сделать это было необходимо именно там, где она озарила меня. Стало быть, нужно звонить Ирэн и договариваться о следующем заходе. Я пообещал друзьям, что узнаю у подруги, когда мы можем вновь туда подняться.

Я позвонил Ире. Она обиделась на меня из-за того, что я не перезвонил ей в тот день вечером, как обещал. Разумеется, обида была недолгой и не всерьез, мы никогда друг на друга по-настоящему не обижались. Я рассказал ей о тех неприятностях, которые еще выпали на

мою долю в тот день, и от обиды не осталось и следа. Ира, к моему удивлению, была того же мнения, что и Миша, с момента, когда увидела Диму с нами, но мне ничего не стала говорить.

– Он слишком маленький. Чего ты от него ожидал? Не знаю, что даже хуже: то, что он испугался и забился в угол или если бы он начал носиться по крыше от восторга. Не дай Бог, споткнулся бы, и не факт, что получилось бы отделаться всего лишь содранными коленями, – сказала Ира.

– Да-да, ты права, – согласился я.

– Впрочем, как и всегда, – ехидно ответила Ира.

– Так, давай нос высоко не задирай! А вообще мы хотим еще раз туда подняться.

– Больше не будешь брать с собой малолеток? – продолжила подруга.

– Ох, как мы заговорили. Тётя Ирэн, Вы не очень ли выросли за последний месяц?

– Не больше, чем на сантиметр.

Я засмеялся в трубку, Ира меня поддержала. Отсмеявшись, переведя дыхание, Ира сказала:

– Послезавтра вечером, примерно в это же время, можно будет снова попробовать.

– О, здорово! Тогда будем иметь в виду, – обрадовался я такой скорой возможности.

– Завтра позвоню и точно скажу.

– Хорошо, договорились. Тогда будем на связи!

– Ждите дальнейшего уточнения информации. Всего доброго, Ваню! – официальным тоном произнесла Ира.

– И вам не хворать, Ирэн.

Я повесил трубку, прыгнул на кровать, вставил наушники в уши и заулыбался. Настроение заметно улучшилось. Выбор композиции был очевиден. В ушах зазвучала песня, которая меня натолкнула на творческий порыв: кадры перед глазами сменялись один за другим, старые идеи уходили, новые появлялись. Настолько отчетливо я видел картинку, что дело оставалось за малым – всего лишь воплотить всё это в жизнь. Так, пустяки. Главное, что в моей голове всё уже было разложено по полочкам!

* * *

Наш очередной подъем на крышу в целом ничем не отличался от предыдущего, за исключением отсутствия одного человека. И вот мы снова стоим на вершине дома, и в лицо дует теплый ветер. Чувство свободы на такой высоте обволакивает с ног до головы. Мы обошли площадку вдоль и поперек. В этот раз Ира составила компанию бесстрашному Мише, они вдвоем стояли на краю и выглядывали за перила. Глядя на них, я чувствовал бешеное биение сердца, но присоединиться к ним не решался. Шурик поддерживал меня в этом.

Вскоре верный друг, который фиксировал самые искренние и яркие моменты, оказался в моих руках, я запечатлел наших храбрецов. Солнце было еще высоко, но тени уже стали вытягиваться в длину. Ира, когда заметила фотоаппарат, стала позировать. Я попросил ее отойти подальше от края.

– Ваню, да не бойся. Тут же есть перила. Подойди тоже, посмотри, – сказала Ира.

– Нет уж, спасибо. Я лучше на расстоянии полюбуюсь. Меня больше привлекает смотреть вверх, чем вниз.

– Тогда признайся, что боишься высоты, – попыталась застыдить меня подруга, наклонившись через перила.

– Надеюсь, ты не будешь лить слезы и у выхода биться в истерике, – съязвил Миша.

– Не буду. Не волнуйся, – сквозь зубы процедил я. Тема Димы оставалась еще большой для меня.

– А давайте на таймер поставим фотоаппарат и вместе сфотографируемся на таком классном фоне! – сменил тему Шурик.

Все с радостью поддержали его предложение. Я поставил фотоаппарат на выступ. Пока ребята занимали места, я настраивал камеру. Вид, и правда, был отличным. Я выбрал наиболее удачный ракурс и сказал:

– Итак, на счет «три» включаю таймер. Мне там хоть местечко оставьте.

– Да оставили, оставили. Давай скорее сюда! – крикнула Ира.

Я нажал на спуск и побежал к друзьям, чтобы успеть занять оставленное место. Щелчок – фото готово. Я поспешил обратно, посмотреть, как получилось. Кадр удался. Ту же схему мы повторили несколько раз подряд, меняя позы и выражения лиц. На выходе получились очень яркие и красивые фотографии. Мои друзья с восторгом рассматривали получившиеся кадры, вырывая друг у друга фотоаппарат.

– Так. Всё! В альбоме увидите. А то так неинтересно, – не выдержал я и забрал камеру у друзей.

Дальше последовала одиночная фотосессия по очереди. Фотографии получались живые и пропитанные положительной энергией. Я был доволен. Меня переполняло желание рассказать о своей идее. Но решил начать немного издалека: включил на телефоне песню группы «Звери».

– Слушай! Песня максимально в тему! Районы-кварталы! Да-а-а! – одобрил мой выбор Мишка, услышав композицию «Районы-кварталы»⁷.

– Я ухожу, ухожу, краси-и-и-во! – подхватил Шурик.

«Еще бы! Я же не просто так ее включил», – подумал я. Еще ничего не успев рассказать, я уже знал, что друзья меня поддержат.

И вот я решился поведать о своей идее. В красках я попытался описать ребятам то, что хочу сделать, но, как это обычно бывает, мысли оказались более красочными, чем их словесное воплощение. Несмотря на это, моя идея была принята воодушевленно. Замысел был такой: снять клип на песню группы «Звери» «Районы-кварталы». Для меня это была одна из эпыхальных песен, которая ярко передавала энергию многих лет и целого поколения подростков, выросших на этой композиции. Основной площадкой для съемок должна была стать крыша, а ключевой фигурой – наш вечно улыбающийся Шурик. Он это предложение сначала учтиво отклонил, но в итоге долго уговаривать его не пришлось. Согласие было получено. В своем рассказе я даже затронул отдельные моменты песни и их визуальное воплощение. По своей структуре клип должен был быть динамичным и максимально ярким. Краски в моей голове захлестывали каждый кадр еще не существующего шедевра. Летнее солнце, зеленые деревья, яркая одежда. Ну и, конечно, необходимо было найти «ярко-желтые очки».

Пусть моя речь получилась не очень понятной, но уж точно заряженной бешеной энергетикой. Я хотел, чтобы моя идея поглотила с головой не только меня, но и моих друзей, хотел разделить с ними эту ношу творческой чумы. Плясать уже точно было от чего. Общая картинка налицо! Я готов был приступить за работу в тот же момент, когда услышал одобрительные речи друзей. Мишка меня вовремя остановил:

– Так, давай мы сначала все хорошенько продумаем. Идея – бомба! Нужно только ее грамотно воплотить в жизнь, ты со мной согласен? – Я одобрительно кивнул. – Ну вот! Поэтому разбираемся, кто за что отвечает и когда будем организовывать пробные съемки. Мне, честно говоря, самому не терпится начать.

– Да, Ваню, фантазия у тебя супер! Было бы здорово снять такой клип! – поддержала Ира.

– *Будет* здорово, когда мы его снимем! – поправил Миша – У нас ведь такой харизматичный актёр! Ну-ка, Шурик, улыбочку в камеру!

⁷ Звери – «Районы-кварталы»

Мишка сделал из рук подобие фотоаппарата и стал кружить вокруг него. Шурик даже немного засмутился.

– Да иди ты в баню, Миха!

– Ну а что? Я же говорю чистую правду! Вань, ну ты голова! У-у-ух! – потрепал меня по волосам Мишка.

Мы еще погуляли по крыше, прикидывая хорошие ракурсы и точки для съемок. Решили, что каждый дома еще раз все хорошо все обдумает, придумает какие-нибудь интересные штуки и переберет свой гардероб в поисках яркой одежды и желтых солнцезащитных очков.

Меня словно поразил творческий вирус, завладевая разумом и всеми мыслями. Я не мог ни о чем думать, кроме клипа. Когда шел домой, искал глазами интересные места, где можно было бы снять один из кадров. Когда сидел дома, в наушниках на повторе играла одна-единственная песня до тех пор, пока какой-нибудь сценарный ход не рождался в голове. Я был болен, и выздоровление могло прийти лишь после того, как клип будет снят от начала до конца. Идея поглотила меня с головой.

6. Ветер в голове⁸

Все вокруг окунулось в туман, я ничего не замечал и ни о чем не думал, кроме своей идеи. Она будто забралась в мою голову и поселилась, заняв все место и закинув ногу на ногу. Эта госпожа явно чувствовала себя как у себя дома.

К слову о доме: я там почти не бывал. Мама уже начала мне время от времени высказывать недовольство по поводу моего постоянного отсутствия. Если я и появлялся, то лишь для того, чтобы поесть или выгулять Джима. Жара явно плохо влияла на пса: дома он постоянно лежал, на улицу выходил без особого желания. Я же, наоборот, старался поскорее сбежать.

Думы о клипе не пропадали из головы ни на минуту. Вот только реализовать все это оказалось не так-то просто. Пока мы находились на подготовительной стадии работы, обсуждали всевозможные идеи и предложения. Мы с Шуриком направили все свое внимание на поиск интересных локаций. Крыша, конечно, оставалась основным местом для съемок, но весь клип там снимать было бы просто-напросто скучно. Тем более, возможности снова подняться на крышу пока что не предвиделось.

На Шурика подействовало что-то еще. Он активизировался и все время выказывал желание собираться всем вместе. Сначала этот порыв к постоянным сборам, не совсем характерный для Шурика, был мне непонятен. Но вскоре все прояснилось, стоило лишь заметить, как мой друг смотрит на Иру. Он без конца крутился вокруг нее, шутил, предлагал какие-то идеи, порой настолько глупые, что вызывал лишь смех. Шурик будто этого и добивался, после каждого своего глупого предложения он глядел на Иру преданными глазами и ждал ее реакции.

Моя подруга наконец-то стала выбираться из дома и гулять с нами. Не то чтобы часто, но явно почаще, чем в начале лета. У нас образовался новый квартет, который Мишке сначала не особо нравился, но после пары прогулок вчетвером он поменял свою позицию. Михаил Дружинин заразился от меня идеей и, не переставая, закидывал нас примерами из разных зарубежных клипов. Парочку идей для съемки мы с удовольствием взяли на вооружение.

Процесс был запущен. Я искренне радовался этому. У нас уже были сняты несколько пилотных кадров, которые получились очень даже ничего. О футболе и велосипедах мы напрочь забыли. Как и следовало ожидать, когда я перестал всех собирать, надобность в этом пропала и никто не стал брать инициативу в свои руки. Костя лежал в домашнем стационаре, если не под домашним арестом. О Диме первое время мы старались вообще не говорить. А остальные и без нас, видно, чувствовали себя неплохо. Да и я, не сказать, что был сильно расстроен. В это время мне совсем не хотелось играть в футбол. Мы и без этого находили, чем заняться. Приоритеты и интересы заметно поменялись.

Я чувствовал себя окрыленным, и со мной вместе весь мир вокруг отправился в полет. В каждом невзрачном месте я видел вдохновение и интересный ракурс для съемки. Идейная эйфория поглотила меня. Песня без остановки крутилась в голове. Я выучил каждое слово, и песня разделилась на отрезки, словно на раскадровке, у меня в голове. Под каждый «кусочек» я представлял свою картинку. Всеми идеями я делился с друзьями, но вскоре из-за обилия мыслей появилась необходимость записывать их в блокнот. Дошло до того, что даже ночью думы о клипе меня не отпускали. Я стал плохо спать из-за постоянных мыслей. А вскоре из-за определенных событий к ним присоединились и другие...

⁸ Сергей Трофимов – «Ветер в голове»

* * *

День был пасмурным, первый за полторы недели – до этого на небе не было ни облачка. В этот день собраться днем нам не удалось. Мишка смог выбраться только к вечеру, до этого помогал дедушке в гараже. У Иры весь день были дела. Шурик, узнав об этом, тут же потерял всякий интерес к прогулке, да и нечем было заниматься на улице вдвоем. Тем не менее, к вечеру мы все-таки смогли собраться втроем: я, Шурик и Мишка.

Мы сидели во дворе на скамейке. Бабушка-соседка вновь угостила нас ягодами, на этот раз клубникой. Я вновь рассказывал друзьям о своих свежих идеях, они внимательно слушали, поедая ягоды. Когда тему клипа мы обсудили, Миша предложил:

– Пойдемте, что ли, на плитах посидим, а то во дворе как-то совсем скучно.

Мы согласились и направились в сторону стадиона, где находились плиты. Солнце выглянуло из-за туч и осветило закатным светом округу. Всего лишь день без солнца, а уже успели соскучиться. Небо прояснилось на западе. С другой стороны все еще оставались тучи, подсвеченные солнцем, приобретающие самые разнообразные оттенки золотого. Я достал фотоаппарат, который по устоявшейся традиции каждый день носил с собой, и начал фотографировать небо, а Миша с Шуриком подсказывали хорошие ракурсы. Мишка попросил фотоаппарат и сделал интересный снимок, в котором солнце пряталось за листом, просвечиваясь через него. В этот момент я услышал голоса. Из-за угла показались две девчонки, которые что-то громко обсуждали и смеялись во весь голос. Я повернул голову в их сторону. Обе были в ярких летних платьицах: у одной белое с желтыми цветами, а у второй морской раскраски – в темно-синюю и белую полоски. Та, что в полосатом, была с густыми каштановыми волосами, которые ложились на ее плечи и немного колыхались во время ходьбы. У другой девчонки светлорусые волосы были заплетены в аккуратные колоски. Они сначала не заметили нас, но потом обратили внимание, притихли и начали о чем-то тихо переговариваться, глядя в нашу сторону. Вдруг девчонки целенаправленно повернули к нам. Они подошли, и та, что была с распущенными волосами, заговорила с нами:

– Привет. А чем вы тут занимаетесь? Ой, у вас фотоаппарат! Здорово! Что фотографируете?

– Привет, – ответил я, после короткой паузы. – А все, на что взгляд упадет.

– Можно посмотреть? – спросила та же девушка, протянув руки к фотоаппарату.

Мишка с фотоаппаратом на шее стоял рядом. Взглянув на него, я понял, что отвечать он не собирается. Удивительным образом вечно не замолкающий Михаил Романович при девочках становился практически немым. Единственным исключением была Ира, которую он, скорее всего, даже не воспринимал за представительницу противоположного пола. Шурик тоже, видимо, не собирался проявлять никакой инициативы, молча стоял и хлопал глазами. Естественно, все пришлось брать на себя.

– Да, конечно, – ответил я, снимая с Мишки фотоаппарат.

Темноволосая девушка сразу же подошла ко мне и принялась разглядывать фотографии. Их было на фотоаппарате немного, в основном лишь сделанные после пилотных кадров, которые уже хранились у меня на компьютере. Но и из того, что осталось, мне было, чем похвалиться.

– Ух ты! Как красиво! – восторженно говорила девчонка. – Юля, иди сюда, посмотри, – сказала она своей подруге, которая до этого момента стояла немного в стороне.

– Да, и правда красиво, – подтвердила девочка Юля, рассматривая фотографии.

– Ой, слушайте, а вы можете нас пофотографировать? – воскликнула активная незнакомка.

– Я даже не знаю, – замялся я.

– Ты же сказал, что фотографируете все, на что взгляд упадет, – улыбнулась она и подмигнула мне.

Я чувствовал, как заливаюсь потихоньку краской. Нужно было это остановить.

– Ну, хорошо, – согласился я и улыбнулся в ответ.

– Кристина, что ты выдумала? – спросила Юля, толкая подругу в бок.

«Кристина и Юля, значит. Имена узнали – уже хорошо», – проскочило у меня в голове.

– Я придумала отличную возможность хорошо провести время. Юль, расслабься, это же здорово! – ответила Кристина.

Мишка косо посмотрел на меня, то ли смущаясь, то ли порицая. Я пока не мог понять его отношения к этому. Шурик отошел в сторону, не проявляя желания участвовать в дальнейшем действии. Девчонки в это время тоже отошли в сторону и о чем-то зашептались. Я решил нарушить этот клуб заговорщиков и сказал:

– Девчонки, ну так что? Где будем фотографироваться?

– Это уже тебе решать. Ты же фотограф, насколько я поняла, – отвлеклась от разговора Кристина и подошла поближе к нам, таща за руку свою подругу.

– Давайте выйдем на футбольное поле, там сейчас открывается красивый вид на закатное солнце, – предложил я.

– Давайте! – поддержала Кристина.

Недалеко от того места, где находились плиты, располагалось футбольное поле, принадлежавшее медицинскому университету. На этом поле мы играли довольно редко, так как оно постоянно было занято взрослыми ребятами-студентами из этого учебного заведения. В Меде было довольно много иностранцев, любивших погонять мяч вечером на поле. Мы несколько раз заводили разговор то с африканцем, то с индусом. Для нас это было своеобразным развлечением. Порой те самые гости нашей страны сами проявляли желание пообщаться: здоровались, спрашивали, как дела, со своим забавным акцентом. Были в округе отморозки, которые докапывались до этих студентов – я их не понимал и осуждал. Мы, в свою очередь, всегда относились к представителям других стран с уважением и неподдельным интересом. Для меня, как человека, который никогда не был за границей, данное общение было своеобразным приобщением к культуре других стран. Многие из них были забавные ребята, один африканец как-то раз даже поиграл с нами в футбол.

Сегодня, на удивление, футбольное поле было пустым. Мы направились туда. Девочки шли немного впереди, я за ними, а сзади меня Миша с Шуриком. Подождав, когда девчонки, разговаривая друг с другом, отойдут чуть дальше, Мишка догнал меня и тихо сказал:

– Что ты делаешь? Нам, что, больше заняться нечем?

– Нечем. Это ты правильно подметил, – подтвердил я.

– И что? Это же не повод идти фотографировать первых встречных! – негодовал друг.

– Давайте вернемся во двор, – высказал свое мнение Шурик.

– Что вы как детсадовцы? Мы сами не знали, чем заняться? Почему бы не внести хоть какое-то разнообразие. Это же прикольно!

– Что в этом прикольного? – не унимался Мишка.

– Так, перестань усложнять. Просто расслабься. И начни, наконец, разговаривать в присутствии девчонок, – сказал я и поспешил догонять наших спутниц.

Было ощущение, что мои друзья сейчас развернутся и уйдут обратно к дому, но этого, к моему приятному удивлению, не произошло. Я сам не знал, что и зачем делаю, но мне почему-то этого очень хотелось. Словно ветер подгонял меня вперед, и я не видел никаких преград на пути. Я был полностью открыт для всего нового, и мне это безумно нравилось.

Мы все дружно вышли на футбольное поле.

– Ну что? Куда нам становиться? – спросила Кристина, оглядывая поле.

– Кристина и Юля, так ведь, если я правильно услышал? – решил я более конкретно познакомиться, чтобы потом знать, как обращаться к ним.

– Правильно! Я Кристина, она Юля, – ответила девчонка с каштановыми волосами, показывая сначала на себя, а потом на подругу. – А вас как зовут, мальчишки?

– Меня – Ваня, – сказал я и повернулся в сторону Миши. Он молчал. Я сквозь зубы тихо произнес «говори».

– Я Миша, – ответил он несвойственным ему глухим голосом.

– А это Шурик, – продолжил я, понимая, что друг не собирается представляться.

– Приятно познакомиться, – первый раз обратилась к нам Юля.

К моей глубочайшей радости и удовлетворению снимки получались отличные. Фотоаппарат в моих руках будто ожил и без моего ведома создавал фотошедевры. Складывалось ощущение, что не я ищу ракурсы, а ракурсы сами находят меня. Но, разумеется, не обошлось без неопенимого вклада самих девчонок в получавшиеся композиции. Юля первое время чувствовала себя скованно, в отличие от Кристины, которая меняла одну позу за другой. Но через пару тройку кадров, посмотрев на получившиеся фотографии, Юля стала более раскрепощенно вести себя перед камерой. Я получал неподдельное удовольствие от работы. Конечно, я давно знал, что лучшие кадры получаются на закате, но теперь в этом однозначно убедился.

Мишка с Шуриком сначала стояли в стороне. Потом Мишка посмотрел на снимки и стал мне помогать с выбором наиболее удачных позиций и ракурсов. Он настолько увлекся этим занятием, что его «языковой барьер» будто испарился. Миша стал советовать девочкам, как им лучше встать, куда отойти, как поставить ногу, куда вытянуть руку. Больше внимание он уделял Юле, скорее всего, из-за того, что у Кристины и так все с этим было в порядке. Она будто рождена была для того, чтобы ее фотографировали.

Какое-то время мы были настолько поглощены работой, что даже не заметили, как Шурик слинял домой. А когда спохватились, Юля сказала, что он попрощался с нами и сообщил, что пошел домой. Мы с Мишкой переглянулись. Ни он, ни я ничего подобного не услышали. Мишка пожал плечами и продолжил показывать Юле, где и в какую позу ей лучше встать. В это время Кристина стояла рядом со мной, облокотившись на мое плечо, заглядывая через него в фотоаппарат:

– Вань, покажи! Ну еще раз открой, – просила она.

Я снова перелистал кадры, показав те, которые ей показались самыми удачными.

– Ууух! Так здорово! Сразу видно руку мастера, – сказала она и поспешила занять новое положение.

– Сразу видно прирожденную модель, – ответил я любезностью на любезность.

– Ой, да вы мне льстите, сударь! – сказала она и звонко засмеялась.

Я не упустил момента запечатлеть эти искренние эмоции на фотоаппарат. Меняя ракурсы, чуть ли не по кадру в секунду, я крутил камерой и так и этак. Не знаю почему, но я еще никогда не получал такого удовольствия от фотографирования какого-то определенного человека. Такое со мной было впервые. Говорят, что лучше всего получается делать то, что нравится. Мне нравилось фотографировать Кристину. Это было бесспорно.

– А давайте включим какую-нибудь музыку! – предложила Кристина.

– Давайте, – поддержал я.

– Юля, включи мою любимую, пожалуйста, – попросила она подругу.

– Сейчас, – сказала Юля и включила песню. – Эту?

Моему удивлению не было предела. Челюсть неконтролируемо поползла вниз. Если вы считаете, что совпадения в жизни происходят просто так, случайно, то это было максимально неожиданная случайность. Зазвучала песня, да не какая-то, а «Районы-кварталы». Я стоял, как дурак, с открытым ртом, повернулся к Мишке, он тоже обомлел от неожиданности и смог из себя выдавить лишь: «Да ну!»

– Что такое? – спросила Юля, заметив перемену в наших лицах.

– Ничего-ничего, все в порядке, – ответил Миша.

– Просто вы не поверите, но это и наша любимая песня, – сказал я.

– Правда?! – воскликнула Кристина.

– Да! Мы даже на эту песню решили...

– Эту песню даже слушаем каждый день, – перебил я Мишу, посчитав, что не нужно говорить о клипе, пока он не сделан.

– Неужели? Вот это совпадение! – заулыбалась Кристина, глядя на меня.

– Не то слово, – произнес я, посмотрел на Мишу, он кивнул, показывая, что понял, почему я перебил его.

Под нашу любимую композицию съемка пошла еще веселее и активнее. Мы предлагали девочкам кадры, схожие с теми, которые были у нас в черновом варианте для клипа. Они с удовольствием соглашались и были в восторге от получившихся снимков.

– Юля, мы с тобой словно героини какого-то фильма или клипа, – посмеялась Кристина. Мы с Мишей переглянулись и расхохотались.

Вскоре солнце уже спряталось за домами и на город стали опускаться сумерки. Мы сидели на плитах и рассматривали фотографии. Конечно же, не обходилось без комментариев. Время летело быстро, мы не заметили, как на улице резко потемнело.

– Ой, Крис, уже так темно, – воскликнула Юля, отвлекшись от просмотра фотографий.

– И правда. Мальчики, нам пора домой, а то уже поздно, родители будут волноваться, – сказала Кристина.

– Конечно. Это естественно, – проговорил неуверенно я, отметив про себя, что не заметил хода времени.

– Спасибо вам за прекрасный вечер и такую чудесную фотосессию! – сказала Кристина.

– Большое спасибо, что составили нам сегодня компанию, – поддержала подругу Юля.

– Пожалуйста! Нам тоже было очень приятно провести с вами время, – ответил, к моему удивлению, Миша.

Я хотел что-то сказать, но не мог вымолвить и слова. После затянувшейся паузы, девочки хором сказали:

– Пока, мальчики, – они развернулись и пошли в сторону домов.

Меня будто осенило:

– Подождите! Может, мы вас проводим? – необычно громко крикнул я вслед.

Кристина обернулась, посмотрела на меня и одарила своей чудесной улыбкой:

– Спасибо, не стоит. Мы сами быстренько доберемся. Пока, – она помахала рукой, развернулась, и они продолжили свой путь.

Я стоял как вкопанный, будто меня застали за чем-то постыдным. Когда они скрылись за поворотом, я вдруг вспомнил и неуверенно крикнул:

– А как же фотографии?..

Но ответа не последовало.

У меня из головы никак не выходила песня, которая уже должна была бы надоесть, но при этом никак ей это не удавалось. И сегодня в такой неожиданной ситуации и необычным вечером я вновь услышал ее. Это был знак. Я в этом не сомневался. Но еще больше не давало покоя, что мы как-то неудачно попрощались и даже не успели обменяться номерами телефонов. Я не успел спросить, как им передать фотографии. От этого стало обидно, как будто фильм выключили на середине. Мишка подошел ко мне, положил руку на плечо, развеяв мысли, которые беспорядочно вертелись в голове.

– Потопали домой. А то уже поздно, – сказал друг.

Я кивнул, и мы двинулись в другую сторону, к дому, надеясь, что родители еще не успели нас спохватиться.

* * *

Встреча с девчонками не прошла бесследно. Я с восхищением смотрел фотографии на экране монитора и хотел вновь увидаться с ними. На уход Шурика мы не стали заострять внимания. Он почему-то не разделял наших эмоций от нового знакомства. Я предположил, что он настолько заикнулся на Ире (хоть и отрицал это), что другие представительницы прекрасного пола перестали для него существовать. Его нельзя было за это винить.

Следующим вечером мы с Мишей снова пошли на плиты, ожидая встретить наших новых знакомых. Шурик отказался составить нам компанию под предлогом того, что ему нужно домой. Мы проторчали на плитах до темноты, но никто так и не появился.

Через день мы снова пошли туда же. Но опять никто не пришел. Когда мы снова собрались нашей творческой группой, я был в упадническом настроении. Миша относился к этой ситуации проще, хотя ему тоже понравилось общество Кристины и Юли, особенно Юли, как мне показалось. Но, в отличие от меня, он не делал трагедию из-за их отсутствия. Последние дни мы много шептались в стороне от друзей, Ира начала это замечать. И наконец, поймав нас с поличным, решила добиться истины:

– Так, и что это мы шушукаемся? Думаете, незаметно? Вы ошибаетесь. Больше двух говорят вслух.

– Да нет, Ирэн, мы не шушукаемся, тебе показалось, – отмахнулся я.

– Да ты что! А то я не вижу, – вспыхнула Ира. – О чем речь, признавайтесь!

– Ни о чем, угомонись, – сказал Мишка.

– Все, больше мы не будем шушукаться, – сказал я.

– Нет уж. Поздно! Я жду объяснений, – Ира была непреклонна.

– Да что ты пристала? – огрызнулся Миша.

– А что вы молчите? Сказать не можете? – вступился за Иру Шурик.

– Ты-то куда лезешь? – спросил Миша.

– Я не лезу, я говорю по делу. Расскажите Ире, мы же друзья. Какие могут быть тайны? Это же бред, – высказался Шурик.

– Спасибо, Шурик. Хоть кто-то тут адекватно мыслит, – взглянув на Шурика, сказала Ира.

– Он прав, Миш. Что мы как заговорщики, будто какая-то непомерная тайна, – согласился я.

– Да нет никаких тайн, что вы из мухи слона делаете? – вспыхнул Мишка.

– В общем, они познакомились с девчонками, устроили им фотосессию и теперь, как преданные псы, каждый вечер ждут их на том же месте, а их все нет, – отчеканил Шурик.

– Сам ты пёс! – огрызнулся Миша.

– Вот даже как! – удивилась Ира.

– И зачем? Мы и сами могли рассказать. Тебе что, зудело в одном месте? Я же согласился, что ты прав, – недовольно воскликнул я.

– А сколько можно было молчать? – начал обороняться Шурик.

– Да ладно, уже все сказано. Что вы продолжаете? – остановила нас Ира. – Лучше расскажите, что за барышни вас пленили?

– Какая разница? – коротко спросил Мишка.

– Как какая? Мне интересно. Все, давайте, колитесь.

Мы нехотя сдались и рассказали Ире всю историю. В основном, рассказывал я, но Мишка время от времени поправлял меня, уточняя какие-то моменты. Ира внимательно слушала, но комментировать ничего не стала. Казалось, что она даже немного приревновала нас к этим

девчонкам. Дальнейшее общение было какое-то напряженное. Когда мы проводили Иру, она язвительно спросила:

– Ну что, одну даму проводили? Теперь пойдете на плиты ожидать других?

– Ха-ха-ха, как смешно, – с сарказмом произнес я.

– Да ладно, я шучу. Всем пока.

Она зашла в подъезд, а мы двинулись в сторону двора. Подойдя к дому, я спросил у Мишки:

– Ну что, на плиты?

Он покачал головой:

– Нет, Вань, хорош. Потешили себя надеждой, а в итоге время потратили впустую. Хватит. Я лучше домой.

– Все с тобой понятно.

– Ну а что ты хотел? Каждый вечер сидеть на улице в ожидании манны небесной? Нет, спасибо. Признай, что они просто с нами провели время и всё! Это было единожды и не предполагало никакого продолжения.

Я махнул на него рукой и сказал:

– Ладно, давай, до завтра.

Я пожал ему руку и отправился в сторону подъезда. Но домой я не пошел. Дождавшись, когда Миша скроется за поворотом, я направился к плитам. Моя надежда еще не угасла. Я не знаю, почему меня так тянуло вновь увидеть тех девчонок. Хотя, откровенно говоря, не девчонок, а именно Кристину. Что-то будто вспыхнуло внутри. Я пока с трудом понимал, что именно. Симпатия – да, однозначно. Мне и до этого нравились девчонки из школы, но, в основном, это было похоже на тайное любование. А в этот раз все было иначе. Эта девочка-тайна так резко и неожиданно появилась, наполнила вечер своим ярким огнем и испарилась, словно дым. А я теперь как ошалевший пытаюсь поймать этот развеянный дым голыми руками. До этого никто из нас троих никогда их не видел: ни в школе, ни где бы то еще. Никаких ниточек связи – ни телефона, ни адреса, да даже примерного места жительства не было известно. Ничего. Лишь имя и фотографии.

Я сидел один на плитах и смотрел, как день клонится к закату. Как только потемнело, я поплелся домой. Никто так и не пришел.

* * *

Как бы мысли о Кристине ни забили мне голову, они все равно не смогли вытеснить стремление снять клип. Однако идейная эйфория продолжалась недолго. Из-за эйфории я не видел сложностей и препятствий на пути к цели. Но вскоре не замечать их стало невозможно. Первой сложностью был самый важный атрибут – очки. Ни у кого дома не оказалось желтых очков. Мы, правда, на этом не остановились и стали искать у знакомых, но все было безуспешно.

– А что, никак нельзя обойтись без очков? – как-то спросила Ира.

– Ты что?! От этого тогда теряется весь смысл! – запротестовал Миша.

– А если их нигде нет! Это так важно? Отказываться от идеи из-за каких-то очков?

– Не из-за каких-то, а из-за желтых. И да, это важно.

Перепадка на самом деле была уже не первая. Дело в том, что каждый видел картину по-своему. Разногласия были во многом. Так, например, Шурик с Михой долго спорили по поводу того, когда лучше снимать – днём или вечером, на закате. Шурик твердил, что на закате цвета лучше и тени падают в одну сторону, Мишка же считал, что снимать на закате невыгодно: времени меньше да и свет быстро меняется. В итоге было решено, что рано или поздно до

заката мы все равно будем снимать, поэтому лучше начинать днем, чтобы времени было больше и мы успели подготовиться к вечерним съемкам.

У Иры принципиальный момент заключался во внешнем виде. У парней на этот счет фантазия менее развита, и эстетическое восприятие заметно притуплено. Под яркой одеждой мы понимали любую: не серую, не темную и не белую – все остальное было для нас более чем яркой. Девичье мышление не было так скупое на восприятие, поэтому Ира хотела, чтобы мы все были в цветных рубашках в клеточку. Я в целом поддерживал ее идею. У меня как раз была такая рубашка. Но Шурик и Миша, которые почти все время ходили в спортивной одежде, были категорически против. В итоге дошло до того, что Ире пришлось довольно жестко надавить парням на их самолюбие. Шурик, который рядом с Ирой был как шелковый, сразу поддался, чего нельзя было сказать о Мише. Если в случае с Шуриком все было понятно – он просто уступил, потому что хотел угодить Ире, то Мишка был менее сговорчив. По дороге домой, как раз после того как Шурик согласился надеть рубашку в клетку, он назвал его «мягкотелым каблуком». Из-за этого случилась еще одна небольшая перепалка, благо, мне удалось их вовремя уговорить. В конце концов Мишке все же пришлось скрепя сердце смириться с нашим выбором.

Июль был уже в самом разгаре, и подготовки к съемкам заметно затянулись. Я рассчитывал, что к этому времени половина материала будет отснята. Но желтые очки так и оставались нерешенной проблемой. По этому вопросу я был полностью солидарен с Мишкой. Ну не мог клип на «Районы-кварталы» быть без желтых очков! Мы обошли все ближайшие магазины, начиная с second hand, заканчивая модными бутиками, в которых на нас косо пялились и вставали в ступор, услышав вопрос: «У вас случайно нет солнцезащитных очков желтого цвета?». Кроме этого, мы расспросили всех знакомых, и ни у кого не было ничего подобного в гардеробе. Руки понемногу опускались, накал энергии и горящие глаза стали потухать. Кроме неуловимых очков, оставалась клетчатая рубашка Миши, на которую он с горем пополам согласился, но у него ее не было. Мишка был парень в теле, поэтому моя или Шурика рубашки на него просто-напросто не налезли бы. Но его стандартной отмазкой было то, что как только будут очки, тогда появится и рубашка.

Несмотря на рвение снимать клип, я никак не мог выкинуть из головы Кристину. С друзьями я почти перестал затрагивать эту тему, однако внутри все равно остался осадок. Когда мы снимали тот или иной кадр на закате, я сразу вспоминал силуэт девушки с распущенными волосами на фоне солнца. И ничего не мог с этим поделать.

Все это в совокупности давалось мне очень тяжело. Замысел, которым я загорелся пару недель назад, представлялся слишком безоблачным и легко воплотимым. На деле все оказалось иначе. Да, идея моя заразила всех. Но почему-то вскоре все благополучно стали забывать, *ЧЬЯ* это идея. Каждый хотел внести свой вклад в создание клипа, это здорово, правда. Но, к сожалению, все видели его по-своему и хотели, чтобы было именно так, как он или она того хочет. Моё мнение почему-то не было решающим, и мне это откровенно не нравилось. Я держался до последнего, не привлекая к этому внимания. Но из-за участвовавших с каждым днем столкновений и недопонимания терпение было на пределе.

В очередной раз мы сидели на крыше и пытались прийти к общему мнению. Фотографироваться желания уже не было. Мы отсняли несколько ярких фотосетов. И это перестало быть чем-то интересным, стало обыденным. Несколько сцен для клипа мы отсняли, с участием меня и Иры (Шурик, как главный герой, должен быть в очках, которых не было, а Миша в рубашке, которую так и не купил). Кроме этого, мы сняли несколько кадров общего вида. Но это все ничто по сравнению с тем, что еще нам предстояло. Настроение у всех было подавленным.

– Может, мы тебя со спины снимем в нескольких моментах, пока очки не нашли. А то у нас очень мало материала, – предложил я Шурику.

– Это идея, – согласился он.

– А может, он весь клип будет спиной стоять. Это как кот Шредингера. Мы не узнаем, есть ли у него очки или нет, пока он не повернется, но он не повернется. А все пускай думают, что он в желтых очках. Будешь даже делать вид, Шурик, что поправляешь их, – язвительным тоном предложил Миша.

– Какой юморист! Вы на него посмотрите! Может, стоит сначала на себя посмотреть?! Вот где твоя рубашка, а? Долго мы ее будем ждать? – напала Ира.

– Я уже говорил: будут очки – будет и рубашка, – ответил Миша.

– Да мы бы уже смогли отснять несколько сцен с твоим участием. Но нет, вы что!

– Миш, Ирэн права, – сказал я. – Пока мы тут сидим, думы раздумываем, время идет. Пол-лета уже позади, а у нас ничего еще не готово. А в августе, если ты не забыл, мы едем в лагерь.

– Ну да, точно, вы же еще в лагерь уезжаете, – сухо проговорил Шурик.

В лагерь мы ехали втроем: я, Ира и Миша. Так как Шурик учился в другой школе, он туда с нами не попадал. Мы старались эту тему при нем не заводить, уж больно он хотел поехать с нами. Тем более, Шурик ни разу не был на море. Но, увы, возможности составить нам компанию не представлялось, поэтому все разговоры о лагере велись в его отсутствие. Мишка сам особо не горел этой поездкой, поэтому чаще всего мы обсуждали лагерь вдвоем с Ирой. В этот раз я не стал заботиться о душевном состоянии Шурика. Нужен был действенный толчок всему нашему завядшему предприятию, иначе по отъезде в лагерь идее предстояло остаться лежать на дальней полке.

– Да помню я. Этот лагерь вообще никак не вписывается в наши планы, – Мишка принял оборонительную позицию.

– Нет, это наши планы чересчур растянулись и не укладываются в нужные сроки, – не сдавался я.

– Вы можете не ехать в лагерь. Как вам такая идея? – предложил Шурик.

Мы с Ирой переглянулись, но оставили его предложение без внимания. Однако это был спасательный круг для Миши, за который он уцепился мертвой хваткой.

– А что, хорошая идея! Я вообще особо не горю желанием. Можно было бы спокойно до конца лета, не торопясь, снимать наш «удивительный шедевр», – оборона Мишки перешла в наступление.

– С чего ты так ёрничаешь? – спросила обиженно Ира.

– Да с того, что ты с Ваню только лагерем и грезите. Для вас уже и идея клипа стоит не на первом месте. «Лагерь, лагерь, лагерь», да тошно уже. И все так, чтобы Шурик ни в коем случае не услышал. А то друга им, понимаешь ли, обижать не хочется.

Мишка хотел отвести тему от своей рубашки. У него это получилось. Но лучше бы мы обсуждали его гардероб, чем августовскую поездку.

– Я что, тут самый обидчивый? При мне о лагере запрещено говорить? Да успокойтесь вы. Не буду я тут плакать без вас, не переживайте, – включился в перепалку Шурик.

– Миша бред какой-то несет, не слушай его, – сказала Ира.

– Да ты что? Скажите еще, что я врун!

– Может, ты угомонишься уже, Миш? – попытался успокоить я.

– Может, ты включишься в работу и перестанешь потакать прихотям своей подруги, а заодно и прекратишь мечтать о своей фотомодели? – оскалился он.

– Что ты сказал?!

– Что слышал! Клетчатые рубашки она хочет. А я вот не хочу, я хочу быть в красной футболке, – Миша решил заострить внимание на менее больной теме – выбрал из двух зол меньшее, но было уже поздно. – И знаешь что – она будет смотреться куда ярче, чем ваш доисторический прикид!

– А что я хочу, видимо, никого не интересует, да? – не выдержал я, задетый за живое.

– О чем ты? – не понял Миша.

– Я о том, что вы все гнете свою линию и не хотите друг другу уступать. То освещение не то, то одежда не та, то погода не летняя, то еще что-то. Вы все забыли, что это *МОЯ* идея. Я это придумал! Но моё слово как будто вообще ничего не значит. А порой вы вообще делаете вид, что меня не слышите!

Все замерли от моей разразившейся речи. Я даже не заметил, как перешел на крик. Вскоре Ира сделала шаг ко мне.

– Это не так, Ваню. Мы тебя слушаем... – Она потянулась вперед, пытаясь взять меня за руку.

Я отошел в сторону.

– Вы себя слышите? – продолжал я. – Вы же готовы друг другу глотки перегрызть из-за какой-то чертовой рубашки. Миш, не хочешь – не покупай. Пожалуйста! Можем вообще забыть на этот клип. Да кому он вообще сдался, этот «удивительный шедевр», так ты его назвал, да? Давайте разойдемся по домам и вообще забросим эту гнилую идею. Все равно у нас ничего не получается. Да, мне понравилась та девчонка, и я думаю о ней. Что здесь такого? Не нравится? Уж извините, что так вышло, – меня уже было не остановить.

Я повернулся к Шурику:

– Ах да, дружище, прости нас, пожалуйста, что ты учишься не с нами в школе, и поэтому мы едем в столь нежеланный для Миши лагерь без тебя, – последнюю фразу я произнес максимально пренебрежительно.

Я развернулся и направился к выходу с крыши. Внутри все кипело, и эмоции хлестали через край. Я чувствовал: если задержусь хоть на миг, то наговорю еще много чего, о чем потом, возможно, пожалею.

– Ваню, ты куда? – крикнула вдогонку Ира.

– Домой! Всё, игра окончена.

Я, не поворачиваясь, махнул рукой и полез вниз по лестнице.

7. Ночи такие звездные⁹

Пока я дошел до дома, успел остыть и даже немного пожалел о том, что наговорил друзьям. Но забирать свои слова я не собирался. Слишком долго держал все в себе и терпел их недовольство. Пришел и их черед потерпеть моё. Насчет клипа я все больше склонялся к тому, что на пике эмоций вырвалось у меня на крыше. Действительно, у нас ничего не получалось, а то, что снято, можно было спокойно удалить и никакой особой потери от этого не будет. Материала мало, не хватило бы даже на первый куплет. Руки опустились, и ничего больше не хотелось. Разочарование – вот что чувствовал я в этот миг...

Вечером зазвонил телефон – на проводе Ира. Она хотела поговорить и обсудить дневные события. Я не разделял ее желания, поэтому сказал, что позже ей перезвоню. Но я этого, конечно же, не сделал.

На следующий день, к счастью, пошел дождь – не пришлось отвечать на звонки друзей. Однако Ира не сдавалась и снова позвонила вечером:

– Ты чего не перезвонил?

– Прости, забыл, – соврал я.

– Ну, забыл так забыл. Пойдем гулять, – предложила Ира.

Я был рад, что она не обратила внимания на мое вранье. Но идти куда-то у меня не было ни малейшего желания.

– Так ведь на улице сегодня дождь, – попытался я отвертеться от предложения.

– Он уже закончился, солнце выглянуло, скоро все высохнет, – Ира стояла на своем.

– Знаешь, я сегодня не могу. У меня много дел, в магазин еще надо с мамой сходить, с псом погулять.

– Вань, может, хватит? Я же знаю, что это все лишь отмазки. Хватит ломать драму. Было и было. Нужно всем успокоиться и вернуться к нашему делу.

– Нет уже никакого дела! Как ты не понимаешь? – повысил я голос.

– Хорошо, я тебя поняла, – спокойно остановила мой пыл Ира. – Просто можешь уделить внимание своей подруге и пойти с ней погулять?

– Я... это. Давай не сегодня, ладно?

– Ваню...

– Я тебе перезвоню, – пробубнил я и положил трубку.

Скинув звонок, я почувствовал, что мне стало невыносимо стыдно, лицо залилось краской. Да, Ирэн не заслужила такого общения, я понимал. Она ничего плохого не сделала. Но мне нужно было время.

Оставшуюся часть дня я провел за чтением книги. Произведение было интересным, но я никак не мог сконцентрироваться, в голову постоянно лезли разные мысли. От этого приходилось перечитывать одно и то же предложение несколько раз, чтобы не потерять суть. Вскоре я понял, что это бесполезно, и сел смотреть фильм. Но с ним произошла похожая ситуация. Отвлечься никак не получалось. Ко мне несколько раз подходил Джим, он подкидывал носом мою руку, чтобы я ему почесал шею. Но я был не в настроении и каждый раз прогонял его.

Я уже собирался спать, когда телефон завибрировал от сообщения. «Кто мог мне написать в начале двенадцатого?» – подумал я.

Взял телефон. Ирэн: «*Ты спишь?*». Так поздно Ира обычно мне не писала. Я решил проигнорировать сообщение. Через пару минут приходит второе сообщение: «*Не верю, что ты так рано лег спать. Ответь!*». Действительно, все друзья знали, что я поздняя пташка и раньше двенадцати никогда не ложился спать. Я, как дурак, сидел и смотрел в телефон, не

⁹ Иванушки «Тополиный пух»

зная, что ответить на столь внезапный и в то же время простой вопрос. Вдруг телефон в руках зазвонил: входящий вызов «Ирэн». Ира мне так поздно никогда не писала, а уж тем более не звонила, это было впервые. Я несколько секунд был в ступоре, после чего не решил ничего лучше, чем ответить:

– Да...

– Ваню! Ты почему на сообщения не отвечаешь? – запыхавшись, пробубнила Ира.

– Я... не знаю, не видел... – промямлил я.

– Так, ладно. Это не важно. Я, в общем, уже иду к твоему дому.

– ЧТО? – почти на всю квартиру крикнул я, вовремя зажав рот рукой.

– Что слышал. Минут через десять буду у твоего подъезда, так что выходи, – как ни в чем не бывало, продолжала Ира.

– Это что, прикол какой-то? Что значит «выходи»? – я никак не мог понять, что происходит.

– Ваню, ты вроде не глупый парень, но сейчас тупишь по-страшному. Я сбежала из дома. Теперь ты должен проверить то же самое. Мы пойдем гулять. Я думаю, сейчас у тебя не запланировано никаких важных дел.

– Ты серьезно?! – не верил я своим ушам.

– Более чем! Так, давай меньше слов – больше дела. Смотри, уснула мама или нет, и выбирайся из своей кельи, отшельник. Буду ждать возле подъезда. Если что, пиши или звони. Не заставляй меня долго мерзнуть. Ах да! Ихвати мне кофту, а то я забыла.

Ира сбросила звонок. Я сидел и не знал, что делать: «Уйти из дома ночью?.. Это, конечно, прикольно... Но не так же...» Я вышел из комнаты, подошел к маминной комнате – мама уже спала. Вернулся к себе в комнату и начал одеваться, словно загипнотизированный. Даже не помню, как натянул на себя джинсы, футболку и олимпийку. Вышел из комнаты, вспомнил о кофте, которую просила Ира, вернулся, взял с собой.

Вот тут-то гипноз, словно по взмаху руки, испарился, и ему на смену явился страх. Сердце бешено колотилось в груди, пока я шел до двери. Мне казалось, что каждый мой шаг грохотом отражается от стен. Дойдя с горем пополам до входной двери, я понял, что мне предстоит самое сложное – бесшумно открыть железную дверь, с довольно громким замком. Я, будто специальный агент из фильма, который пробирается в чужую квартиру, по миллиметру крутил ручку, так чтобы она не шумела. От напряжения пот выступил на лбу. Каждый шорох заставлял меня замирать. Дверь с горем пополам все же удалось открыть. Я вышел на лестничную площадку и так же аккуратно закрыл металлическую дверь за собой. Только выдохнул, как зазвонил телефон. Звук эхом пронесся по всему подъезду. Сердце ушло в пятки: «Что я скажу маме, когда она меня увидит за дверью?». Я быстро сбросил звонок и поспешил поставить телефон на беззвучный режим. «Почему я раньше до этого не додумался?». Поздно было кусать локти, возвращаться тоже. Поэтому я спустился вниз. Сердце в груди продолжало отбивать чечетку. Я вышел из подъезда и увидел Иру, которая уже ждала меня. Она заметила мой испуганный взгляд:

– Все в порядке? – настороженно спросила она.

Я кивнул. И тут она бросилась ко мне на шею и стала пищать:

– Ваню! Представляешь, мы сбежали из дома ночью! Ты в это вообще веришь?

– Ты меня сейчас задушишь, – еле выговорил я.

– Ой, прости! Это же так здорово! – восторгалась нашим поступком Ира.

– Ты сумасшедшая!

– Да, возможно. Нормальная не пошла бы на это! – крикнула Ира.

– Так, давай, во-первых, потише, и пойдем лучше подальше от моего дома, а то мало ли, вдруг соседи увидят, – мозг наконец-то включился, и я начал здраво размышлять.

– Да, ты прав, – согласилась Ира. – Ну что, куда пойдем?

- Не знаю, – пожал я плечами.
- Я тоже не знаю! – захохотала Ира, схватив меня за руку.

* * *

На улицах было тихо. Ночной воздух наполнен свежестью после дождя. Дышалось непривычно легко, после тридцатиградусной жары. Хотелось полной грудью втянуть в себя как можно больше свежего воздуха. Ночную тишину нарушали лишь отдаленные звуки машин и оглушающее стрекотание цикад. Что может быть более приятным, чем прогулка летней ночью? Посмотрев на небо, можно было даже через многочисленный фонарный свет города разглядеть десяток звезд. От туч не осталось и следа, небо чистым покрывалом заботливо укутало ночной город. О дневном дожде напоминали лишь влажный воздух и несколько не успевших высохнуть луж.

Мы с Ирой шли по дворам, не рискуя выходить на широкие улицы, наслаждаясь тишиной летней ночи. Сначала, видимо, из-за выплеска адреналина, мы больше молчали, лишь изредка давали волю эмоциям, произнося что-то типа «Нет, ну ты представляешь!», «Я не верю, что мы ночью на улице», «Я впервые гуляю ночью без родителей», «Как же это круто!» и все в таком духе. Мы потихоньку обошли ближайшие дворы, решили посидеть где-нибудь на скамейке. Долго искать не пришлось, благо, все скамейки уже высохли после дождя.

– Ты, конечно, авантюристка! – улыбался я.

– А то! Один раз живем, нужно брать от жизни все. Тем более, пока лето, почему бы не сбежать ночью из дома и не погулять с лучшим другом по городу, – подмигнула мне Ира.

– Да, это здорово! А как хорошо на улице. Не жарко, не холодно. Красота!

– Да-а-а, – громко выдохнула Ира.

Мы посидели пару минут молча, слушая звуки несмолкаемых цикад.

– Извини за сцену, которую я устроил на крыше, – осторожно произнес я, нарушив наше приятное молчание.

– Ой, не бери в голову. Со всеми бывает. Высказался, да и ладно. Подумаешь, – отмахнулась Ира.

– И прости, что не перезванивал и отказывался от встречи, – продолжил я.

– Вот за это действительно стоит извиниться. А то совсем обнаглел! Видеться он со мной не хочет, понимаете ли. Ладно, так уж и быть, прощаю тебя, Ваню, – сказала Ира и толкнула меня локтем в бок.

Я улыбнулся и толкнул слегка в ответ. Этим мне и нравилась Ирэн: она была легкая на подъем, без лишних заморочек и довольно отходчивая. Идеальный друг-девчонка.

– А остальные как отреагировали на мои слова? – поинтересовался я.

– Все в порядке! Я уже тебе сказала: не бери в голову. Главное – возвращайся к нашему делу.

– Да толку от этого дела? Ничего все равно не получается.

– Нет, это было не предложение и не просьба. Я тебя ставлю перед фактом. Ты *возвращаешься* к нашему делу. Мы все вместе собираемся и продолжаем съемку нашего клипа.

– Ладно-ладно, я тебя услышал, – согласился я, решив, что спорить в данном случае было бесполезно.

Ира подняла голову вверх, взглядываясь в иссиня-черное небо. Она прищурилась, пытаясь что-то в нем разглядеть.

– Так мало звезд видно в городе, – с сожалением проговорила она, продолжая смотреть наверх.

– Мы можем пойти на открытую площадку, где нет фонарей, там, думаю, звезд будет больше видно, – предложил я.

– Это куда?

– Пойдем, покажу, – я встал со скамейки и жестом позвал Иру за собой.

Долго идти не пришлось. Мы вышли на футбольное поле, где не было ни одного фонаря, который бы мешал своим светом наблюдать за ночным небом. Ближайшие дома были, как минимум, в трехстах метрах от того места, где стояли мы. Обзору почти ничего не препятствовало. Однако кромешной темноты не было. Луна светила так ярко, что освещала всю округу. До этого она пряталась за домами и ее света не было видно. Но теперь ночная владычица вышла осмотреть свои владения и осветить холодным светом спящую землю.

– Вот теперь взгляни вверх, – сказал я Ире.

Она подняла голову и улыбнулась:

– Да, здесь их и, правда, больше видно. Ты только посмотри, какая луна сегодня яркая.

– Ага... – протянул я, тоже глядя наверх и наслаждаясь ночным небом.

– Но я знаю место получше, – загадочно проговорила подруга.

– Неужели?

– Да, да, да. Пойдем!

Она потащила меня за руку с футбольного поля. Я от неожиданности чуть не споткнулся.

– Куда ты меня тащишь?

– Сам скоро поймешь! – сказала Ира, не выпуская мою руку.

Стрелки часов постепенно приближались к отметке «два». Я даже не заметил, как пролетело время. Правду говорят: летние ночи очень короткие. В такие моменты понимаешь это в полной мере.

Мы продолжали куда-то идти окольными путями. Вскоре я догадался, что мы направляемся в сторону Ирино дома. Еще какое-то время я не догадывался, зачем мы туда идем, но вскоре меня озарило:

– Ты хочешь подняться на крышу? – удивился я.

– Какой ты догадливый, – с иронией проговорила Ира.

– Ночью?

– Еще и внимательный! – рассмеялась она.

– Очень смешно! – саркастически произнес я.

Мы подошли к ее дому, зашли в подъезд. Поднялись на всякий случай до восьмого этажа, чтобы лифт не громыхал на последнем этаже, и тихо, насколько это только возможно, забрались на крышу. В лицо ударил поток свежего воздуха. Мы, расправив руки в стороны, прошли немного по крыше, словно летая. Отсюда действительно было видно намного больше звезд. Освещенные фонарями и фарами проезжающих машин улицы остались в стороне, и небо будто стало ближе. Серебряные крупинки на темном покрывале небесного свода стали ярче, словно от того, что мы поднялись сюда, расстояние до них сократилось. Это так и было, пусть совершенно незначительно в масштабах Вселенной, но очень заметно для четырнадцатилетних подростков. Луна освещала площадку, будто прожектор. Даже подсвечивать ничего было не нужно.

– Ночью здесь еще красивее, – произнес я, разглядывая огни ночного города.

– Давай я быстро сбегаю домой и вынесу плед. Сядем прямо здесь, – предложила Ира, показывая на место возле трубы.

– А это не опасно? Вдруг родителей разбудишь.

– Рискованно, конечно, но, думаю, это того стоит, – сказала Ира и направилась к выходу.

– Только осторожнее. Если что-то пойдет не так – напиши мне сообщение.

Ира жестом показала, что все поняла и приложила палец к губам. Я замолчал и пошел за ней. Я спустился на технический этаж вместе с подругой, чтобы сверху принять плед. Она спустилась, аккуратно открыла входную дверь и тихо зашла в квартиру. Мне оставалось только ждать. Казалось, что Иры не было вечность: минуты тянулись очень медленно. Я уже стал

волноваться, когда услышал негромкий щелчок открывшейся двери. Ира тихо вышла, закрыла дверь и подала мне плед вместе с каким-то пакетом. Я помог ей забраться, и мы вернулись на крышу.

– Что ты там еще взяла? – шепотом спросил я.

– Вкусняшки, – захихикала она.

В пакете лежали апельсины и шоколадка. Мы расстелили плед и облокотились на вытяжку, укрывшись оставшейся его частью. Ира вручила мне апельсин, и мы принялись за очень поздний ужин или слишком ранний завтрак.

– Ваню, как ты думаешь, что нас ждет в августе? – ни с того ни с сего спросила Ира.

– Лагерь, насколько я помню, – ответил я.

– Это понятно. Я имею в виду в целом. Что нас ждет там?

– Ирэн, мы же с тобой не раз уже разговаривали об этом. Трудно предсказать, что будет там, где мы никогда не были, – сказал я, доедая апельсин.

– Там будет Киселева, – угрюмо проговорила Ира.

Даша Киселева – это девчонка из нашей школы, училась с нами в параллели. И их отношения с Ирой были, мягко говоря, натянутыми. Ира не раз негодовала по поводу того, что ее сопернице тоже дали путевку.

– Что ж ты опять об этой Киселевой? Что, только она там будет? Не заикливайся на этом.

– Я шучу, – толкнула меня в бок Ира. – Пусть едет, мне до нее нет никакого дела. А если серьезно, мне почему-то кажется, что должно произойти что-то очень важное и значимое. Что-то, чего еще не было в нашей жизни.

– Так лагеря как раз и не было еще в нашей жизни. Вот тебе и что-то важное.

– Да, но я говорю о другом... У меня предчувствие, понимаешь? Я сама не могу объяснить, что это.

– Я тебя понимаю, – сказал я, приобняв подругу.

– Как будто какой-то новый этап в жизни нас ждет, к которому сердце так и рвется, – будто в пустоту говорила Ира.

Я посмотрел на нее, Ира задумчиво глядела в одну точку.

– Я с самого начала лета, чувствовал, что должно что-то произойти, какое-то серьезное событие, переломный момент. Не важно, как это называть, но обязательно что-то должно случиться. Я чувствую это. И это ощущение меня уже почти два месяца не покидает. Сначала я думал, что как раз клип – это то самое значимое событие. Но теперь я понимаю, что не его я предчувствовал.

– Вот-вот! Ты меня понимаешь! – оживилась Ира.

– Тсс... – прижал я палец к губам.

– Ой, что-то я громко. Да, у меня такое же чувство, – тише промолвила подруга.

– Потом я решил: что-то самое значимое – это встреча на плитах.

– С теми девчонками?

– Да. Но сейчас я уже так не думаю.

Образовалась пауза, какое-то время мы просто молчали. Тишину нарушила Ира:

– А я сначала думала, что это чувства к человеку, которые внезапно появились. Но сейчас я уже в этом сомневаюсь, потому что ощущение ожидания чего-то так и не проходит.

– Чувства к человеку? – переспросил удивленно я.

– Ну да... Такое впечатление, ты сам не догадываешься?

Я замахал головой. «Только не говори, что я тебе нравлюсь! Не делай этого! Ира, мы с тобой друзья. Не надо портить дружбу симпатией», – затараторил голос у меня в голове.

– Я думала, заметно, что мне нравится Шурик... – застенчиво произнесла Ира.

Я с облегчением выдохнул: «Фух... Точно! Шурик. Как я сразу не догадался?».

– Я знаю, что ты ему нравишься, но не думал, что он тебе тоже, – сказал я, успокоившись, что все в порядке.

– Так, я тоже не знала. А потом... вроде как он мне и понравился. Он хороший. Но теперь я не знаю... Боюсь, что могу сделать ему больно, – запинаясь, проговорила Ира.

– Все дело в лагере. Ты чувствуешь, что тебе может там кто-то понравиться, – предположил я.

Ира резко повернулась и взглянула мне в глаза. Видимо, я попал в яблочко.

– Да, наверно, ты прав. Я не хочу давать надежду ни ему, ни себе. Впереди то неизвестное, от которого можно ожидать чего угодно.

– Правильно. Не надо напрасно морочить голову ни себе, ни ему.

Ира какое-то время молчала, будто размышляя над моими словами. Хотя я прекрасно понимал, что ничего для себя нового она от меня не услышала. Ира пару минут потирала свои руки, а потом произнесла:

– Спасибо, что развеял мои сомнения. Что бы я без тебя делала, друг мой? – сказала она и положила голову мне на плечо.

– Наверно, спала бы сейчас в своей теплой кровати и видела седьмой сон, – предположил я.

Ира тихонько рассмеялась.

– Ваню, скажи, пожалуйста, тебе понравилась одна из тех девчонок, я права? – спросила она, хотя вопрос был риторический.

– Да, это так. Но, видимо, это было какое-то мимолетное чувство, которое необычно своей внезапностью. Кто бы мог подумать, что в тот вечер мы кого-то встретим? Да никто! И барьер общения тут же пропал, словно мы были знакомы не один месяц. Меня это поразило. Но как это резко появилось, так же резко и исчезло. Я совру, если скажу, что не хочу вновь ее увидеть. Нет, я хочу встретиться с ней. Но надежда на то, что это произойдет, уже почти испарилась.

– Эх, вот же чувства эти. Вещь вообще максимально непонятная. Я, как твой верный друг, должна сказать тебе правду. Можешь обидеться на меня или еще что-то, но лучше ты это услышишь от меня.

– Я весь во внимании.

– Давай мыслить здраво. Если бы она хотела вновь увидеться, она бы пришла на то место. А раз не пришла, значит – нет желания. А игра в одни ворота ни для кого ничем хорошим не заканчивалась. Поэтому постарайся отпустить ту ситуацию, так тебе будет легче.

– Спасибо за откровенность.

– Лучше это я тебе скажу, чем кто-нибудь другой. Может, это делается как раз потому, что тебя ждет нечто большее. Ты об этом подумай.

Я задумался. Ира была права, я и сам об этом думал, но услышать это из уст другого человека – это словно удостовериться в истинности своих рассуждений. В этот вечер каждый из нас услышал то, о чем давно думал, но сам себе не мог в этом признаться.

– Вань, давай забудем все обиды по поводу съемок клипа и вернемся к работе, – прервав мои размышления, сказала Ира. Я удивился, потому что она редко называла меня Ваней.

Несколько секунд я молчал, переваривая ее слова, при этом понимая, что уже хватит ломать драму и забивать голову ненужными вещами. Пора взяться за съемки!

– Хорошо, – согласился в итоге я.

– Вот и отлично! Значит, завтра в пять часов, как обычно, возле подъезда, договорились?

Я удивленно посмотрел на нее. Ирэн глядела на меня в ожидании положительного ответа. Я кивнул и отвел взгляд, решив, что тема закрыта.

Над нами небо из темно-синего плавно превращалось в кремово-розовое. Звезды меркли и пропадали из виду. Тишину нарушала отдаленная трель просыпающихся птиц.

- Смотри! На востоке уже всю светает. Красиво, да?
- А ты когда-нибудь встречал рассвет? – спросила Ира.
- Ни разу.
- Вот и я нет.

Мы лучше укрылись пледом и наблюдали, как ночь уходит восвояси, уступая дорогу нарождающемуся дню. Так и просидели, пока солнце не поднялось над линией горизонта, осветив наш мир. Наступил новый день.

8. Я в этом фильме главный актер, я сценарист в нем, я режиссер¹⁰

Возвращение домой было подобно миссии секретного агента. Все прошло как по маслу. Я успел зайти в комнату буквально за несколько минут до того, как проснулась мама. Ложась обратно постель, я услышал, как открылась дверь ее спальни. Накрывшись одеялом, я сделал вид, что досматриваю седьмой сон. Долго притворяться не пришлось. После такой длительной прогулки на свежем воздухе и бессонной ночи я быстро заснул. «Как же все-таки здорово, когда на дворе лето, каникулы, и никуда не нужно вставать рано утром», – это была последняя мысль, промелькнувшая в моей голове, прежде чем я провалился в сон.

Проснулся ближе к обеду. Мама с работы еще не вернулась, Джим дремал на кресле. Позавтракав, я вспомнил о вчерашнем с Ирой уговоре: «В пять часов, как обычно, возле подъезда». На смену обиде пришло чувство стыда. Я боялся, что Миша и Шурик будут держать на меня обиду за то, что я им наговорил. Делать нечего, нужно было идти. Во всяком случае, сегодня уже я сам этого хотел.

К пяти часам я подошел к дому Иры. Фотоаппарат – со мной, что означало: я снова в деле. Возле подъезда уже ждали Ира с Шуриком. Я поздоровался, Шурик протянул мне руку. Я начал говорить:

– Слушай, я хотел...

– Проехали. Что было, то было. Все в порядке, – перебил меня друг.

– Вот и отлично! – подытожила Ира, похлопав меня по плечу. – Значит, ждем Мишу и поднимаемся на нашу съемочную площадку.

Мы сели на скамейку у подъезда и заговорили о клипе. Каким-то негласным образом мы с Ирой договорились ни слова не говорить о ночном походе. По всему нашему разговору с Шуриком было понятно, что мы оставим это между нами. Шурик, видимо, пару дней обдумывал новые идеи и стал вываливать их нам целым скопом. Я с интересом слушал его и даже не заметил, что кто-то приближается к нам. Мое внимание привлекла Ира своим возгласом:

– Вау! Я не верю своим глазам! Что за мачо? – крикнула она в сторону идущего к нам парня.

Я обернулся – лишь через мгновение я понял, что это Мишка. Его было не узнать. Человек, который все лето ходил в спортивных шортах и футболке, преобразился до неузнаваемости. Мало того, что он надел джинсы, так на нем еще была ярко-красная рубашка в клетку. Что самое удивительное – ему она чертовски шла. Он на глазах из уличного пацана превратился в техасского владельца ранчо. Судя по походке, Миша чувствовал себя не в своей тарелке, а после выкрика Иры его движения стали еще более скованными. Но все это меркло и бледнело по сравнению с тем, что у него было на лице. Несмотря на яркую сорочку, все внимание привлекал другой аксессуар Миши. Солнцезащитные очки. Они были в толстой оправе, из-за чего закрывали большую часть его лица. Но самое главное, что они были ярко-желтого цвета. От удивления у меня невольно открылся рот. Я потерял дар речи. Шурик смог выдавить из себя лишь:

– Да ну!

– Всем привет, – нехарактерно скромно произнес Миша.

– Да ты шутишь! – наконец выдавил я из себя.

– Да какие тут могут быть шутки? – спросил Миша.

– Ты тоже их видишь? – толкнул меня в бок Шурик.

¹⁰ Градусы – «Режиссер»

– Мне кажется, я сплю. Ущипните меня, – моему удивлению не было предела.

Ира просьбу «ущипните» поняла буквально, и вскоре я почувствовал острую боль в руке.

– Ай! Но не так же больно! – дернулся я. Мишка все так же стоял перед нами, но уже сняв с себя очки.

– Мишка, где ты их нашел?! – восторгу Иры не было предела.

– Я сам этого не ожидал. Мы с мамой поехали в центр города в магазин, чтобы купить мне наконец-то клетчатую рубашку. Да-да целенаправленно поехали за рубашкой. Выбрали эту самую, она вроде как мне подошла. Подходим к кассе, и тут передо мной висят они, – Мишка театрально выставил вперед руки, держа перед собой очки. – Я не поверил своим глазам, когда их увидел. Они как будто глядели на меня и кричали: «Вот мы! Вы же именно нас так долго искали?» – пискляво озвучил очки Миша. – И тут я сразу увидел кадры клипа, они слайдами пронеслись перед глазами. Вот так они здесь и оказались, – закончил свой рассказ Миша.

Ира кинулась ему на шею, крепко обняла и завизжала. После пары тяжелых вздохов Мишки она выпустила его из своих объятий. Я стоял и улыбался во весь рот. «Вот теперь-то дело сдвинется с места! У нас есть всё необходимое! Наконец-то!».

Ира посмотрела на меня таким взглядом, который говорил лучше каких-либо слов: «Я была права!». Мне даже не хотелось с ней спорить: так оно и было.

* * *

Следующие несколько дней мы с утра до вечера проводили на улице, снимая столько сюжетов и кадров, что памяти на фотоаппарате уже не хватало. На крышу каждый день подниматься возможности не было, да и рисковать лишний раз не было желания. Но мы единогласно решили, что если всё действие клипа будет происходить на крыше, это тоже будет не очень. Поэтому мы снимали везде, где только не лень. Очки гармонично смотрелись на Шурике, а Мишка в своей красной рубахе был в кадре как влитой. Съёмки вновь заразили меня творческим порывом. Работа шла полным ходом. Мы снова стали искать интересные места для съёмки. Суть клипа заключалась в том, что важен каждый кадр. Он может занимать всего 2–3 секунды в клипе, но должен быть ярким и необычным. Порой требовалось снять около двадцати дублей, а то и больше, чтобы в итоге получилось то, что надо.

Звание самых красивых кадров естественно досталось тем, что были сняты на крыше во время заката. Все небо будто переливалось различными красками. Крупные кучевые облака, словно розовые горы, плыли по небу. Последние лучи солнца находили свое отражение в окнах многоэтажек, отчего было ощущение, что некоторые квартиры охвачены пламенем. Все это удалось запечатлеть на камеру, и я был несказанно горд этим.

Так получилось, что пожелания всех участников клипа нашли свое место в проекте. Ира, отвечающая за внешний вид, радовалась, что все выглядят так, как она представляла, а Мишка даже переплюнул ожидания, удивив своим ярким нарядом. Шурик был в восторге от кадров, получившихся на закате, откровенно говоря, и не он один. Мишка даже признал, что был не прав, согласившись, что снимать на закате – здорово и это было отличной идеей. При этом он ощущал свою непомерную важность как идейного вдохновителя вылазки на крышу и добытчика многострадальных желтых очков.

Негативные мысли и ожидание появления приятной незнакомки испарились без остатка – я полностью погрузился в работу. Я радовался, что полет моей творческой птицы ничем не обременялся, друзья, подобно попутному ветру, способствовали воплощению моих идей, и я от этого находился постоянно в приподнятом настроении. Каждый был доволен, что его идейное решение внесло свой вклад в общее дело.

Настал день, когда мы снимали финальные кадры клипа, которые были не больше, чем бонус и точка завершения. Мы вместе стояли на крыше. Шурик завершал свои эпичные махи-

нации с очками на камеру. Получалось круто. Миша уже привык к своему новому образу и вел себя в соответствии с ним. Мачо из него получился отменный. Но изюминкой нашего клипа, конечно же, была Ирэн. Каждое появление ее в кадре излучало непомерную харизму, наряду с милотностью, которой ей было не занимать. Она украшала наш клип и делала его более свежим и ярким. Моя роль в кадре была не такой большой, как у Шурика, и немного меньше, чем у Миши и Иры. Чаще всего я выступал в качестве режиссера-постановщика и видеооператора, но, несмотря на это, роль актера тоже мне перепала. Из Мишки получался хороший видеооператор, порой его кадры были более удачными, чем у меня. Я был этому только рад. Нельзя хвататься за все и стараться быть везде лучшим. А попробовать себя в каждой роли мне было интересно. Пусть каждый внес огромный вклад в наше дело, но идея все равно оставалась моей, и общее ее виденье тоже исходило от меня. Поэтому прочувствовать каждый этап процесса создания клипа я считал крайне необходимым и важным для меня.

– Стоп. Снято! – с пафосом произнес я.

Мишка засмеялся, Ира запрыгала от радости.

– Дорогие товарищи! Многоуважаемые участники нашего проекта! Поздравляю каждого из вас с успешным завершением съемочного процесса. Пусть нам и пришлось столкнуться с различными трудностями и разногласиями, но мы достойно со всем справились и преодолели препятствия на пути к цели. Это бесценный опыт для нас! Спасибо, товарищи, мне было приятно с вами работать! – произнес я торжественную речь, выпрямившись во весь рост.

Шурик стал кланяться направо и налево. Послышались аплодисменты, исходившие от Миши и Иры. Я не выдержал длительной серьезности момента и разразился хохотом. Все остальные подхватили мое настроение и тоже засмеялись во весь голос. О тихом поведении на крыше мы благополучно позабыли. Эмоции переполняли. Ира по очереди обняла каждого из нас.

– Ребята, вы такие классные! Мы с вами такие молодцы! – пропищала она.

– С этим сложно поспорить, – сказал Шурик, пафосно надевая очки. Он настолько к ним привык, что почти не снимал.

Миша толкнул его в бок и произнес:

– Попроще будьте, товарищ. Клип еще не готов, а симптомы звездной болезни уже налицо.

Мы снова разразились хохотом на всю крышу. Если бы кто-то в этот момент был на лестничной площадке, то точно услышал бы наши голоса. Но сегодня не могло ничего произойти плохого. Сегодня был хороший день. Отличный! Ничто не могло его омрачить. Ничто и никто.

– А знаете что, у меня есть идея! Пойдемте все вместе и это дело отметим, – предложила Ира.

– Не рановато вам, мадам, отмечать? – с иронией произнес я.

– Ух, сейчас как наотмечаемся! – крикнул Мишка.

– Дураки! – обиженно произнесла Ира. – Я же не об этом. Пойдем, купим пирожные, лимонад и отметим нашу маленькую победу вкусняшкой.

– О, ну так неинтересно, – сник Мишка.

– Да ну тебя! – толкнула его Ира.

– Шучу я. Не толкайся. Идея, правда, хорошая. Я «за»! – сказал Мишка и поднял руку вверх.

Мы поддержали Мишку и вчетвером направились отмечать триумф в честь окончания съемочного процесса. Я не сохру, что по ощущениям это был самый вкусный лимонад и самые вкусные пирожные, какие я когда-либо пробовал.

* * *

Следующие несколько дней прошли под эгидой творческой мастерской Ивана Сергеевича Титова. Мы с друзьями проделали огромную работу и отсняли большой материал. Теперь все зависело от меня. Глаза разбегались. Столько удачных дублей и интересных кадров было снято, что выбрать среди этого разнообразия что-то конкретное было невероятно сложно. Сначала следовало просмотреть всю «плёнку» Почему-то именно старые понятия, связанные со съемкой, мне были гораздо ближе. Я почти никогда не называл дубли видеофайлами, а весь материал предпочитал называть именно «плёнка». Какой-то особый шарм в этом был.

После того, как вся плёнка была просмотрена, я приступил к работе. Для тех, кто не знает и никогда не имел дело с чем-нибудь подобным, объясню. Процесс создания видеоклипов очень кропотлив. Необходимо подобрать наиболее удачный кадр или дубль, который подошел бы *именно* под данный отрезок песни. Для того чтобы видео смотрелось динамичным, приходилось часто менять картинку. Я не профессионал в этой области, но стоит только начать делать, как замечаешь много нюансов, о которых до этого даже не догадывался. Желание сделать клип именно таким, каким он жил в голове, и вместить весь необходимый материал заставляло несколько десятков раз пересматривать каждый отрывок.

Процесс создания клипа поглотил меня с головой. Песню «Районы-кварталы» я выучил от и до, до самого последнего звука барабана. Сначала работа двигалась очень медленно: за первые два дня я смог смонтировать не больше 30 секунд. Но уже эти первые секунды позволяли сказать, что у нас что-то, да получилось. Мы это сделали!

Друзья знали, что я работаю над клипом. Было принято решение, что я намеренно никого не буду просить о помощи и никому из них не покажу даже наброски, пока всё окончательно не будет готово. Я хотел, чтобы впечатление от увиденного было, так сказать, полноценным. Сначала все со мной согласились, и целых два дня мне никто не звонил и не писал, предоставив меня целиком и полностью работе. На третий день ситуация изменилась. Первым сдался Шурик. Он позвонил мне вечером и поинтересовался, как идут дела. Я ему сказал, что все хорошо, работа не стоит на месте. После этого он предложил помочь, от чего я мягко отказался. На четвертый день монтажа мне пришлось побеседовать с двумя остальными коллегами по съемкам. Их желание узнать и увидеть, насколько хорошо развивается наше детище, было максимально навязчивым. Я держался спокойно.

Половина моей работы была уже завершена. Я не мог сидеть за клипом с утра и до ночи. Оставались еще домашние обязанности, которых почему-то навалилось предостаточно. Итак, до этого меня дома нельзя было застать, так что жаловаться было бы некрасиво. Маме и бабушке все-таки нужна была моя помощь. Да и паузы в творчестве время от времени необходимы, в отдельные моменты нужно все отложить и дать мозгу отдохнуть, чтобы затем свежим взглядом взглянуть на то, что получилось.

Я пытался все это донести до моих друзей, когда наконец-то вышел на улицу и встретился с ними. Их отношение к моему одинокому творчеству заметно изменилось за эти дни. То ли они думали, что на второй день после окончания съемок клип уже будет готов, то ли им просто стало скучно из-за завершения работы. Как потом оказалось, произошло именно второе. Стоит закончить деятельность, которая на протяжении определенного времени была основополагающей, в душе тут же образуется пустота. Ты не знаешь, чем себя занять, не можешь найти прошлому занятию равноценной замены, от которой получал бы подобные эмоции. А когда тебе нужно ожидать результат своих трудов, каждая минута длится вечность. Именно это и происходило с моими друзьями. Они сдулись, как воздушный шарик. Мне в данном случае повезло больше, я все еще творил и жил этим творчеством. Прозвучит немного дико, но мне казалось, что Миша, Шурик, а в особенности Ира ревностно относятся к моей работе. Как будто наш

ребенок предпочел жить и расти лишь у одного родителя, а про других забыл. Можно подумать, что я преувеличиваю, но так оно и было.

Мне нужна была эмоциональная разрядка, поэтому я и пошел с ними гулять. Но вместо этого я попал на допрос с пристрастием.

– Ну и когда клип будет готов? – требовательно спросил Миша.

– Как только, так сразу, – ответил я.

– Если у тебя ступор, ты просто скажи, мы же можем помочь, – предположила Ира.

– Работа движется, не волнуйтесь, – сдержанно отвечал я.

– Ты уверен, что видеоматериала хватит? Если нет, то мы можем доснять, пока время еще есть, – предложил Шурик.

– Материала выше крыши, не переживайте, – спокойно продолжал отвечать я.

Подобные вопросы продолжались всю прогулку. Вместо того, чтобы отвлечься, мне забили голову настолько, насколько это было возможным. Через пару часов я не выдержал и под предлогом больной головы удалился домой. На самом деле, это сложно было назвать предлогом, потому что голова, и правда, разрывалась от нескончаемого потока вопросов и предложений. Подходя к дому, всплыла мысль: «Клипа мне на сегодня уж более чем хватило». Так что предполагаемый фронт работы я решил отложить на следующий день.

Будучи полностью погруженным в свои мысли, глядя себе под ноги, я не сразу заметил, что возле моего подъезда кто-то сидит на скамейке. Может быть, просто не придал значения. Я подошел почти ко входной двери, когда вдруг опомнился, что этот кто-то – Димка. Я повернулся в его сторону. Димка щенячьими глазами глядел на меня.

– Привет, Дим, – сухо произнес я.

– Привет. Я уже подумал, ты делаешь вид, что меня не замечаешь, – робко произнес он.

– Если честно, я тебя действительно не заметил. Как твои дела? – произнес я, отыскивая в кармане ключи от дома.

– Неплохо. Твои как?

– Да все хорошо, – обменялись мы любезностями.

– Ты на меня обижаешься, да? – тихо спросил Дима.

– С чего бы мне на тебя обижаться? Нет, я просто следую указаниям твоей мамы. Она попросила, чтобы меня больше рядом с тобой не видала. Я так и делаю, – спокойно объяснил я.

На самом деле я, конечно же, был обижен на Димку. Но со временем обида притупляется. Если бы эта встреча состоялась спустя неделю после моего разговора с его мамой, я, скорее всего, прошел бы мимо либо просто поздоровался и зашел в подъезд. Однако сейчас почему-то я уже был не прочь разъяснить ситуацию с человеком, которого все равно считал другом.

– Я испугался, Вань. Струсил, – чуть ли не плача произнес Дима. – Я не хотел, чтобы моя мама на тебя тогда ругалась, правда. Ты же ни при чем, я сам захотел на крышу и сам свалился с лестницы. Но в тот момент я ничего не мог сделать, мне было страшно. Как последний трус, я всего лишь смотрел на то, как мама тебя отчитывает. Прости меня. Уже на следующий день я объяснил ей, как все на самом деле было, и она меня наказала. Я неделю из дома не выходил на улицу. Представляешь? Да и гулять мне было не с кем... Я решил, что ты не захочешь больше со мной дружить, – после этих слов слезы покатались по щекам Димы.

– Дим, успокойся. Все в порядке. Не плачь. Я на тебя не держу зла, правда. Не бери в голову. Что было, то было. Я тоже, как старший, должен был предугадать подобную ситуацию, но, увы, все получилось, как получилось. Уже ничего с этим не поделаешь.

– Мне очень стыдно. Я не хочу, чтобы ты на меня обижался, – хлюпая носом, произнес Дима.

– Я на тебя не обижаюсь, – сказал я и протянул ему руку. – Мир?

Димка сквозь слезы улыбнулся и пожал мне руку.

– А теперь вытирай свои сопли и слюни, а то твоя мама увидит и решит, что я опять тебя до слез довел, – шутя, проговорил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.